

Современное
Востоковедение

САБИНА ФРЮШТЮК

ТРЕВОЖНЫЕ ВОИНЫ

ГЕНДЕР, ПАМЯТЬ И ПОП-КУЛЬТУРА
В ЯПОНСКОЙ АРМИИ

«Современное востоковедение»
= «Contemporary Eastern Studies»

Сабина Фрюштюк

**Тревожные войны. Гендер, память
и поп-культура в японской армии**

«Библиороссика»

2007

Фрюштюк С.

Тревожные воины. Гендер, память и поп-культура в японской армии / С. Фрюштюк — «Библиороссика», 2007 — («Современное востоковедение» = «Contemporary Eastern Studies»)

ISBN 978-5-907532-61-8

После Второй мировой войны конституция Японии запретила стране вести войну или создавать армию. Однако с началом холодной войны в 1950-х годах Японию призвали создать Силы самообороны, чтобы укрепить оборону Запада против волны азиатского коммунизма. Хотя их роль должна ограничиваться защитой государства, японские вооруженные силы оснащены передовыми технологиями вооружения и имеют третий по величине военный бюджет в мире. Как первый ученый, которому разрешили участвовать в базовой подготовке SDF, Сабина Фрюштюк предлагает взглянуть на эту необычную армию.

ISBN 978-5-907532-61-8

© Фрюштюк С., 2007
© Библиороссика, 2007

Содержание

Благодарности	5
Имена и список сокращений	7
Введение	8
Глава 1	19
ПРАВИЛА ОПИСАНИЯ	20
ШТАБ-КВАРТИРА	27
В КАЗАРМАХ	30
В СТОЛОВОЙ	33
В ПОЛЕ	34
ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ	39
ЗАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ	42
ПОЧЕТНОЕ ПРОЩАНИЕ	46
Глава 2	50
ИНДИВИДУАЛИЗМ И СЛУЖАЩИЙ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сабина Фрюштюк

Тревожные воины. Гендер, память и поп-культура в японской армии

Благодарности

За последние девять лет исследования, предпринятые для создания этой книги, привели меня из офиса военного атташе Японии в Вене в подобные кабинеты в Токио, а оттуда на военные базы по всей Японии. Я глубоко в долгу перед теми представителями Сил самообороны, которые в течение долгого времени терпели мое присутствие, несмотря на то что результат моих исследований оставался для многих из них неясным и, возможно, подозрительным. Если за эти годы мне удалось выстроить внутри Сил самообороны сеть коммуникаций, это произошло благодаря небольшому кругу подполковников и полковников, которые поддерживали меня и проявляли творческий подход к делу, помогая мне устанавливать контакты с другими офицерами их ранга в разных регионах Японии. Полагаю, многие из них испытывали удивление, полагали все это забавным, уставали от общения. Но прежде всего они были обеспокоены тем, что год за годом я возвращалась и искала всё новые сведения, просила об интервью, и становилось ясно, что на завершение этой книги уйдет больше лет, чем первоначально планировалось.

Томас Людвиг не переставал задавать мне сложные вопросы, предостерегал и ободрял меня, смеялся вместе со мной и сокрушался по поводу разнообразных деталей моих исследований и текстов. Так Фудзитани, Лора Миллер, Гленда Робертс и Дженнифер Робертсон прочитали мою рукопись и сделали много важных замечаний и предложений, большинство из которых, надеюсь, я смогла учесть при доработке книги. Я хочу выразить признательность за бесценный обмен мнениями и критические комментарии к разным воплощениям тех или иных частей будущей книги, участниками и авторами которых стали мои друзья Тарак Баркави, Джим Бартоломью, Аарон Белкин, Эяль Бен-Ари, Элис Эдвардс, Синтия Энло, Джеральд Фигэл, Джошуа Фогель, Утте Фреверт, Гарри Арутюнян, Дик Хебдидж, Андре Хертрих, Дэвид Холлоуэй, Глен Хук, Харуко Ивасаки, Кавано Хироси, Дэвид Леэни, Зепп Линхарт, Энгюс Локьер, Стюарт Лоун, Стефан Мишер, Лори Монахан, Норманн Наймарк, Джон Натан, Дик Сэмюелс, Джим Шихан, Аарон Скэбелунд, Бригитте Штегер, Судзуки Акира, Танака Хироми, Танака Масакадзу, Таньо Ясунори, Цуцуи Киётеру, Уено Тидзуко и Берт Уинтер-Тамаки, а также мои аспиранты Тереза А. Альгозо и Сьюзан Макавер. В Венском университете мне помогали Накамура Йоко, Руми Онодера и Томояма Каори, которые расшифровали несколько сотен часов записанных мною интервью. Важный вклад в подготовку визуальных и статистических данных, которые я привожу в этой книге, внесли Ямамото Нацуки, Боуден Дэвидсон и Диана Мао из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Заострить внимание на некоторых разделах книги и углубить их мне помогла реакция на основные положения моей работы, представленные мной в ходе докладов в перечисленных ниже учреждениях – я имею в виду Венский и Токийский университеты (1999), Мичиганский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Стэнфордский и Йельский университеты (2001), Университет Киото (2003), Калифорнийский университет в Ирвине (2004), Гарвардский университет (2005).

Помимо этого, я благодарна за обсуждение моих презентаций на ежегодных конференциях Ассоциации азиатских исследований (2004 и 2006), симпозиуме «Трансформация опыта: интерпретируя “открытость” Японии» (Беркли, 2004), конференции «Гендер и нация: япон-

ские перспективы», организованной в «Токио Вименз Плаза» (2004), и на ежегодном собрании Ассоциации японских социальных исследований в Берлине (2004).

Работе над этой книгой предшествовали четыре месяца исследований, проведенных совместно с Эялем Бен-Ари в 1998 и 1999 годах; результатом этих исследований стали две статьи: одна в *Journal of Japanese Studies* (2002), другая в *American Ethnologist* (2003). Помимо этого, с коллегами Танака Масакадзу, Мияниси Каору, Фукуура Ацуко и Нисио Фуми я обсудила некоторые материалы полевых изысканий на армейских базах в статье, опубликованной в «Дзинбун Гакухо» (2005). Танака Масакадзу создал в Киото первую сеть антропологов, историков и политологов, которые приступили к критическому изучению военных структур по всей Азии. Для меня большая честь – оказаться одним из первых неазиатских участников этой программы. Моя главная исследовательская база, факультет восточноазиатских языков и культурологии в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, и особенно Алан Грэпарт и Рон Иган были и остаются важными источниками интеллектуального вдохновения и эмоциональной поддержки, и я особенно благодарна за академический год, щедро предоставленный мне для завершения книги. В Санта-Барбаре члены руководимой Аароном Белкиным фокус-группы по исследованию вооруженных сил, общества и гражданственности помогли мне расширить перспективы моей работы за счет международного и междисциплинарного контекста.

Успешному проведению исследований и созданию этой книги способствовали следующие гранты и стипендии: исследовательский грант Отделения гуманитарных и социальных наук Венского университета (1999); факультетские исследовательские гранты (2002, 2003 и 2004), стипендия Риджентс Хьюмэнистиз (2003), факультетская награда от Центра междисциплинарных гуманитарных исследований (2005) – все это в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; грант по японистике Совета Северо-Восточной Азии при Ассоциации азиатских исследований (2002); стипендия для исследователей других научных учреждений от Стэнфордского гуманитарного центра (2005/2006). В Японии, когда я работала в качестве приглашенного профессора в Институте гуманитарных исследований Университета Киото (2003), я была одним из получателей предоставленного Министерством образования Японии гранта на совместные исследования. Мои коллеги из Стэнфордского гуманитарного центра помогли мне сформулировать некоторые крупные теоретические вопросы, которым посвящена эта книга.

Патрисия Марби Харрисон всегда была и остается исключительно внимательным и добросовестным читателем. Я благодарна Риду Малькольму, Калисии Пивиротто, Сью Хайнеманн, Сэнди Друкер и Джэнет Виллануева из Издательства Калифорнийского университета, которые чрезвычайно компетентно способствовали появлению на свет этой книги.

Имена и список сокращений

На протяжении всей книги с целью обеспечить личную безопасность людей, у которых я брала интервью, я использую условные наименования полевых центров и псевдонимы вместо точных имен. Эти псевдонимы при первом упоминании помечены звездочкой. Однако в некоторых случаях, если мне было предоставлено на это разрешение, я использую настоящие имена. В качестве жеста вежливости по отношению к моим респондентам я не включаю в книгу комментарии, которые они делали не для записи.

ВВСС Военно-воздушные силы самообороны

СССЯ Сухопутные силы самообороны Японии

ЯА Императорская японская армия

ЯВМФ Императорский японский военно-морской флот

МОЯ Министерство обороны Японии

МССЯ Морские силы самообороны Японии

НАС Национальная академия самообороны

НВМАС Национальная военно-медицинская академия самообороны

Введение

Впервые ступив на тренировочную площадку базы невероятно жарким летом 2001 года, я поняла, что эта часть моего исследования будет сильно отличаться от всего, что я делала раньше. Облаченная в форму Сухопутных войск самообороны (СССЯ), я размышляла, что принесет мне предстоящая неделя базовой армейской тренировки. Каких озарений ожидала я от изнурительной усталости, движения по команде, официального приветствия офицеров, сопровождения новых рекрутов на различные полевые учения, обеда в столовой и сна на армейской двухъярусной кровати? Как сможет повлиять на мое понимание Сил самообороны, а возможно, всех вооруженных сил такого рода исследовательский опыт?

Неделя включенного наблюдения на базе СССР Кибита* на Хонсю составляла малую часть моего исследования, но она представлялась мне особенно важной: ни один ученый до меня – ни японский, ни иностранный – не получал прежде такой возможности. После демонстративного самоубийства в 1970 году Юкио Мисимы военная администрация стала опасаться политических последствий событий, которые могут выйти из-под контроля, а потому не была склонна позволять посторонним следить за повседневной жизнью военных подразделений с близкого расстояния. Мисима поступил на военную службу в апреле 1967 года под своим настоящим именем Хираока Кимитакэ и в итоге обучал группу молодых людей в относящейся к СССР Школе кандидатов в офицеры Фудзи (*Фудзи Гакко*), которую я дважды посещала до моей первой «базовой тренировки». В то время руководство Сил самообороны считало, что присутствие в войсках известного писателя было блестящим рекламным ходом [Nathan 2000: 220–223, 227; Sugihara Y., Sugihara G. 1997]. Эта иллюзия рухнула 5 ноября 1970 года, когда Мисима и его сторонники из основанного им Общества щита (*Татэнокаи*) захватили базу СССР в Итигая, рядом с Токио. Они взяли в заложники генерала и призвали Силы самообороны свергнуть демократически избранное правительство, а затем Мисима совершил ритуальное самоубийство. Он сделал это в здании бывшей Армейской академии (*Рикугун Сикан Гакко*), главного учебного центра Императорской японской армии, который служит сегодня мемориальным залом Министерства обороны Японии (МОЯ) [Nathan 2000: 270–281; см. также Naito 2001]. Как я покажу в этой книге, Силы самообороны прошли с тех пор долгий путь.

Мне потребовались три года усилий, множество разнообразных стратегий и целая сеть контактов, а также изрядная настойчивость, чтобы попасть на базу СССР Кибита. История началась весной 1998 года с разговора в кабинете японского военного представителя в Вене. Полковник Фудзивара Тосио*, офицер СССР с негромким голосом и отличным немецким языком, предоставил мне несколько контактов с другими военными в Японии. Для первого посещения Министерства обороны Японии (тогда еще находившегося в Роппонги, Токио) я припасла в кармане два письма: одно от министра обороны Австрии, другое от посла Австрии в Японии. Оба были адресованы директору обороны МОЯ и содержали просьбу поддержать мои исследования. Многочисленные звонки в МОЯ долгое время не приносили результата, поэтому в ожидании успеха в переговорах с руководством я работала над другими направлениями главной темы. Однако получить разрешение на посещение базы с целью включенного наблюдения – письменное, устное или по телефону – я так и не могла. Наконец двери открылись, и Фудзивара, с которым после его возвращения в Японию я встречалась по крайней мере раз в год, сообщил, что один из его бывших начальников в Национальной академии самообороны (НАС) согласился допустить меня на базу, которой командовал.

К времени моего прибытия на базу СССР Кибита я уже три года изучала Силы самообороны. Целью пребывания на этой базе было получение дополнительного представления о повседневной жизни военнослужащих, без чего трудно было понять место вооруженных сил в современной Японии. Я заинтересовалась военными, когда писала книгу о том, как секс

стал объектом научных исследований (2003). Хотя в Японии довольно небрежно относятся к понятию табу в контексте секса и сексуальности, я обнаружила, что это понятие гораздо чаще используется здесь в применении к военным сюжетам и темам. С 1880-х до начала 1940-х годов, во время вооруженных конфликтов или мира, военные в Японии присутствовали повсюду, милитаризм проникал во все элементы современной культуры – от науки до искусства, от государства до отдельного человека. Послевоенная Япония, напротив, напоминала Токио в видении Ролана Барта: город с пустым и невидимым центром [Barthes 1982: 31–33]. Это было национальное государство с мощной армией, которая в значительной степени оставалась невидимой, о ней редко упоминали, и сами военные предпочитали молчать. В 1998 году, когда я начинала свои исследования, Силы самообороны изучались лишь несколькими учеными, а многие специалисты в Японии, казалось, вообще не интересовались этой темой или даже боялись присматриваться к такому объекту. В Соединенных Штатах отсутствие интереса к изучению вооруженных сил как общественного института можно объяснить разгромом во Вьетнаме, в результате которого моральная репутация военных была подорвана, и они как бы не заслуживали антропологического исследования [Ben-Ari 2004: 340]. В Японии причины такой отстраненности, вероятно, варьируются от самого факта неконституционности Сил самообороны до их невыразительности, вызванной тем, что они не участвуют в реальных сражениях. Начиная со своего первого выпуска в 1965 году «Журнал военной истории» (*Гундзи Сигаку*) был посвящен в основном тонкостям конкретных битв с участием Императорской армии и флота, а вот о Силах самообороны там опубликовали лишь несколько статей. Наконец, в 2004 году вышел специальный номер о Силах самообороны, посвященный их пятидесятилетию. Японские феминистки не поднимали вопрос о милитаризме и не проявляли интереса к попыткам Сил самообороны интегрировать женщин и обеспечить им равное с мужчинами обращение – такое безразличие было вызвано общими пацифистскими убеждениями. Лишь в последнее время традиционное для послевоенной Японии противоречие между феминизмом и милитаризмом поставили под сомнение и стали призывать женщин-военнослужащих «изменить Силы самообороны изнутри» [Ueno Ch. 1998; Shimada Y. 2002; Sätö 2004]. Один японский социолог объяснял мне отсутствие социологического интереса к Силам самообороны предположением, что для общества не имеет значения, какой образ жизни ведут военнослужащие, потому что сами они не имеют политического значения. Еще один японский антрополог высказал убеждение, что Силы самообороны не являются достойным объектом исследования, поскольку их нельзя считать «настоящими» вооруженными силами, а потому они «слабы». Другие пренебрежительные отзывы, казалось, были вызваны опасением, что мои исследования могут легитимизировать Силы самообороны.

Такой запрет на изучение весьма проблематичен, потому что, в конце концов, военные оказываются в центре ряда важных дебатов, в ходе которых выстраивается линия разграничения между ними и гражданским обществом. Эти дебаты и их итоги имеют последствия и для Сил самообороны. Но независимо от особенностей Японии или моих личных мотивов и интересов надо признать, что мы живем в эпоху, когда исследовать военные учреждения очень важно.

С момента окончания Второй мировой войны все государства мира, особенно Соединенные Штаты, прошли серьезную и неуклонную милитаризацию – от увеличения военных бюджетов до вторжения военных в жизнь гражданских лиц, от нормализации военных идеалов до слияния военной и гражданской сфер в неразрывное целое. Окончание холодной войны должно было запустить масштабное разоружение. Вместо этого после одиннадцати лет сокращения вооружений в мире военные бюджеты – важный показатель милитаризации – снова начали расти. Мировые военные расходы растут в реальном выражении на 3–4 % с 2004 года и на 34 % за десятилетие с 1996 по 2005 год. Этот резкий поворот был связан в первую очередь с огромным ростом военного бюджета США, на который сейчас приходится почти половина

общемирового, но свой вклад в него внесли и реальные военные расходы Японии. В 2019 году они были на 20 % выше, чем за десятилетие до этого, даже несмотря на то, что их доля в ВВП Японии оставалась примерно на уровне 1 %¹.

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, Япония занимает четвертое место в мире по военным расходам, обладая оборонным бюджетом в 42,1 млрд долларов, или 4 % от мирового объема расходов на вооружения. В пятерку стран с наибольшими военными расходами включены также США (\$478,2), Великобритания (\$48,3), Франция (\$46,2) и Китай (\$41,0). Однако по паритету покупательной способности Япония занимает лишь восьмое место, уступая США, Китаю, Индии, России, Франции, Великобритании и Саудовской Аравии [SIPRI 2005].

Как показала политолог-феминистка Синтия Энло [Enloe 1990, 1993], признаки милитаризации не всегда так очевидны и не сводятся к размерам военного бюджета. Их можно заметить и в «пошаговом процессе, когда человек или объект постепенно переходит под контроль военных или его благополучие начинает зависеть от милитаристских идей» [Enloe 2000: 3]. Эндрю Дж. Бачевич [Bacevich 2005: 2], выпускник Военной академии США, ветеран вьетнамской войны и историк, формулирует это иначе. Он писал, что американцы стали жертвой милитаризма, проявлявшегося в романтизированном взгляде на солдат, склонности воспринимать военную мощь как истинную меру национального величия и непомерных ожиданиях эффективности применения силы. Бачевич утверждал, что американцы в беспрецедентной за всю историю своей страны степени стали определять силу и благополучие нации в категориях боеготовности, успеха военных действий и поощрения военных идеалов (или ностальгии по ним). В самом деле, милитаризация американского общества зашла так далеко, соглашается антрополог Кэтрин Лутц [Lutz 2001: 8], что различие между гражданским и военным превратилось в искусственно поддерживаемую иллюзию. Социолог Майкл Мэнневен отвечал, что понятие гражданского контроля за вооруженными силами утратило смысл, поскольку ведущими милитаристами зачастую были гражданские лица (см. [Bacevich 2005: 63]).

Обозреватели, следившие за положением дел в Японии, утверждают: хотя большая часть послевоенной истории страны характеризовалась ярко выраженным антимилитаризмом, резко контрастировавшим с настроениями в Соединенных Штатах, в последнее время наметилась тенденция к тихой, скрытой милитаризации. Послевоенная Япония начинала с особой военно-общественной конфигурации, которая представляла собой решительный жест разрыва со своим империалистическим и милитаристским прошлым. С 1872 по 1945 год Императорская японская армия (ЯА) обладала огромной социальной и политической властью, а Силы самообороны, перейдя под гражданский контроль, радикально отменяли эту традицию. При этом они оказались политически и социально маргинализированы, став почти невидимыми для общества в целом. ЯА боролась с врагами во имя создания и расширения Великой Японской

¹ По общему мнению, расчет военных бюджетов сложен, потому что способ получения конкретных цифр остается непрозрачным и эти показатели сильно различаются в зависимости от агентства, которое ведет подсчеты. Доклад Стокгольмского международного института исследования проблем мира предостерегает, что количество информации о вооружениях скудно, идет ли речь о количественных данных по стоимости производства и продаж оружия, о данных отдельных компаний или о данных в национальном масштабе. Существуют две причины такой нехватки информации: во-первых, секретность производства вооружений, вызванная чувствительными военными и политическими аспектами, и, во-вторых, трудность распознавания производства вооружений и установления различий между военной и гражданской продукцией [SIPRI 2006]. Следовательно, имеющиеся данные об общем объеме производства/продаж оружия в стране являются приблизительными, основанными либо на специальных усилиях, направленных на то, чтобы вынудить компанию-производителя дать какую-то оценку своих продаж, или получить от государственных органов сведения об общих расходах на закупки вооружения внутри страны, а затем добавить данные об экспорте оружия, но не включать сюда его импорт. В таких странах, как Япония, оценки делаются министерствами и ассоциациями оборонной промышленности. Так, например, в недавнем отчете МОЯ оборонный бюджет Японии оценивается в 35 млрд долларов (0,98 % ВВП), а это третье место в мире после США и Великобритании; Япония опережает по этому показателю Францию и Германию, но надо учесть, что при сравнении не учитывались данные о военных бюджетах других крупных держав [Boeichō 2005: 122]. По данным Стокгольмского международного института, эти цифры гораздо выше – 42 млрд долларов, не включая военные пенсии и расходы на Комитет специальных операций на Окинаве [SIPRI 2006].

империи, с которой было покончено в 1945 году. Силы самообороны ведут исключительно небоевые действия. Они спасали жертв землетрясения, оползней, лесных пожаров и авиакатастроф, они восстанавливали разрушенную инфраструктуру и участвовали в миротворческих миссиях ООН (*кокусай хэйва к ёрёку кацудё*), а на более приземленном и скромном уровне – строили спортивные площадки и охраняли места проведения массовых мероприятий. Но самое главное, все эти годы они не принимали участия в боевых действиях².

Однако в 2004 году впервые после окончания войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе они развернули части в зоне боевых действий³. 9 января 2004 года первые подразделения СССЯ и Военно-воздушных сил самообороны (ВВСС) высадились в Самаре (Ирак), действуя на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке (*Ираку дзиндё фуккё сизэн токусохё*), принятого 3 декабря 2003 года. Согласно этому закону Силы самообороны должны были «помочь с восстановлением безопасной жизни иракского народа и созданием политических органов, от которых зависят демократические меры» [Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai/Securitarian 2004a: 10–11]⁴. Развертывание этих частей вызвало немало возражений, поскольку для современных японских военных оно имело огромное символическое значение. Это развертывание инициировало ряд серьезных изменений в системе обеспечения безопасности Японии и ускорило превращение Сил самообороны из невидимого и как бы забытого феномена, находящегося на обочине интересов общества, в самый центр политического дискурса и общественного внимания [Yoshida Toshihiru 2003]. Проходившие прежде в Японии дебаты о потенциальных военных угрозах проходили в основном за закрытыми дверями, между военными экспертами и стратегами, специализирующимися на политике безопасности. Теперь все эти вопросы обсуждались публично. Национальные телеканалы и газеты, прежде опасавшиеся размещать новости о Силах самообороны, за исключением их участия в ежегодных символических акциях и редких скандалах (например, в скандале с наркотиками в МССЯ; «Асахи Синбун», 29 сентября 2005), начали публиковать о них развернутые рассказы. Международные события, в том числе объявление в начале 2003 года лидерами Северной Кореи о том, что они обладают ядерным вооружением, что было подтверждено в начале 2005 года, а также проведенные ими 9 октября 2006 года ядерные испытания повысили интенсивность дебатов о боеготовности Сил самообороны и их соответствии текущему состоянию мира [Pilling 2004b]. В 2004 году, когда Национальный план обороны впервые подробно рассматривал Китай и Северную Корею в качестве потенциальной угрозы безопасности Японии, интерес общества к вооруженным силам резко возрос, а международные СМИ создали впечатление, что Япония резко изменила курс с антивоенного на националистский и, возможно, военный, – в этой книге я намерена подробно проанализировать такой взгляд на ситуацию.

В полемике об отношении к противоречивой военной истории Японии современные служащие Сил самообороны тоже порой оказываются «слоном в посудной лавке». Целый ряд фактов свидетельствует о желании исключить из общественного сознания историю: среди таких акций можно назвать создание Японского общества по реформированию школьных учебников

² С течением времени количество миротворческих миссий ООН резко возросло – особенно быстро этот процесс пошел с окончанием холодной войны. Между 1956 и 1989 годами таких миссий было 13, а после 1999 года — 39, причем 14 продолжаются на момент написания книги [Bōeichō 2005: 357–358].

³ Примерно 3000 военнослужащих СССЯ 31 мая 2005 года прибыли для участия в миротворческой миссии в дополнение к силам, уже действующим в Ираке на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке. После первой подобной миссии в Гондурасе в 1998 году около 2300 военнослужащих принимали участие в международных миссиях по ликвидации последствий катастроф [Bōeichō 2005: 535–537].

⁴ В точности закон предписывал участие Сил самообороны в следующих акциях: МССЯ предоставляют не более двух транспортных кораблей и не более двух кораблей сопровождения; ВВСС предоставляют не более восьми транспортных самолетов и самолетов для базирования, а также вооружение, необходимое для обеспечения их безопасности; СССЯ предоставляют не более 600 служащих, не более 200 транспортных средств, единиц пистолетов, автоматов и ружей, а также безоткатных орудий и противотанковых снарядов, необходимых для обеспечения их безопасности [Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai/Securitarian 2004a: 14–15].

и Ассоциации по продвижению либерального взгляда на историю, а также одобрение Министерством образования учебников по истории, обеляющих Японию военного периода, или посещение премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро храма, посвященного павшим солдатам, среди которых есть лица, осужденные за военные преступления. По мнению критиков, принадлежащих почти ко всему политическому спектру, одним из следствий этого является утрата живой памяти об истории Новейшего времени в самой Японии, притом что она сохраняется в бывших японских колониях, и это создает противоречие, которое снова начинает разрушать межгосударственные отношения в регионе [Philling 2006]. Преподаватель высшей школы на Окинаве, где студенты изучают историю острова только до Битвы за Окинаву, пренебрегая всеми последующими военными событиями, готов взять долю вины на себя. Он говорит: «Это наша ответственность, мы продолжаем настаивать на мире, на мире – притом что мы не изучаем войну и ничего не знаем о военной истории» [Ishikawa 1995a: 109].

Идея приверженности Японии делу мира зафиксирована в Конституции, и в последние годы к ней обращаются все чаще. В докладе о выполнении миссии в Ираке особо подчеркивалось, что как член Организации Объединенных Наций Япония вносила свой вклад в общее дело и «сотрудничала, оставаясь в рамках японской Конституции»; важно помнить, что Конституция запрещает Японии содержание постоянной армии. Таким образом, современные дебаты о пересмотре Конституции затрагивают ключевой вопрос послевоенной позиции Японии, и наибольшую озабоченность вызывает легитимность вооруженных сил⁵. В настоящее время Статья 9 гласит: «Искренне стремясь к всеобщему миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ навсегда отказывается от войны как суверенного права нации и от угрозы применения силы как средств разрешения международных споров. Для осуществления цели, упомянутой в предыдущем параграфе, никогда не будут содержаться сухопутные, морские и воздушные силы, а также другой военный потенциал. Не признается право государства на воинственность» [Inoue Kyoko 1991: 275]. В апреле 2005 года Конституционная комиссия нижней палаты Парламента (*Сёдзин кэнпо тёса-кай*), созданная впервые после войны в Персидском заливе в 1992 году, подготовила доклад на 723 страницах (*Сёдзин кэнпо тёса-кай хококусю*). В докладе анализируется, как пересмотр Статьи 9 повлияет на вооруженные силы, и рекомендуется пересмотреть ее, чтобы определить законность Сил самообороны, недвусмысленно заявив о праве нации на самооборону («Асахи Синбун», 2005, 16 апреля). Притом что и справа, и слева есть эксперты, выступающие за пересмотр этой статьи [Hook, McCormack 2001], возможность такой ревизии становится весьма вероятной. Но пока идут дебаты, следует задуматься о том, что означает для военнослужащих работать и рисковать жизнью во имя государства, объявившего саму их организацию не вполне законной. Мое исследование повседневного опыта, мотивации, карьерного выбора и взглядов военных на общие вопросы о положении вооруженных сил говорит о существовании главного парадокса отношений между военными и обществом в Японии: о противоречии между Статьей 9 и самим фактом существования японских вооруженных сил. Помимо этого, есть парадоксы содержания вооруженных сил в любом демократическом государстве: противоречие между запретом на насилие в гражданской жизни и военной подготовкой и потенциальным запросом на насильственные действия, а также противоречие внутри профессии, которая учит людей убивать, применять насилие, но внушает, что они должны избегать этого, – их готовят к чему-то, что не должно

⁵ Согласно опросам по исследованию общественного мнения вооруженные силы – самый тревожащий вопрос при обсуждении Конституции; он уступает по важности лишь проблеме охраны окружающей среды. «Отказ от войны» – формулировка, которая вызывает озабоченность у 33,9 % опрошенных – можно сравнить с 45,2 % озабоченных состоянием окружающей среды, это две самых важных темы применительно к Конституции. Эти данные получены в результате опроса общественного мнения (вопрос 11), проведенного «Ёмиури Симбун» в марте 2001 года: в разных регионах Японии было опрошено 3000 респондентов старше 20 лет. В ходе индивидуальных интервью этот ответ дали 1946 человек, или 64,9 % опрошенных [Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhō-shitsu 2001: 510].

происходить, постоянно создавая ощущение, что все их способности и навыки совершенно не нужны.

Среди военных учреждений страны Силы самообороны были нерешительными и осторожными первопроходцами. Тщательно сдерживая и переосмысливая потенциал насильственных действий от имени японского государства, они нащупали пути преобразований, которые позднее стали намечаться и в военных организациях других стран мира, – это явление оказалось настолько значимым, что военные социологи охарактеризовали такой новый тип вооруженных сил термином «постмодернистский» [Moskos et al. 2000]. С самого начала на Силы самообороны возлагались задачи, которые другие армии, прежде всего вооруженные силы США, добавили к списку своих функций лишь недавно, в том числе общественные работы, помощь при стихийных бедствиях и поддержание мира. Энтони Дзинни, отставной генерал Корпуса морской пехоты США и бывший главнокомандующий Центральным командованием Соединенных Штатов, уверен, что «настоящая военная служба», характерная для войн XX века, подходит к концу. Дзинни изложил свое видение будущего вооруженных сил США и, предположительно, вооруженных сил других постиндустриальных демократических стран, к числу которых относится и Япония:

Мы игнорируем настоящие боевые требования наших дней... Мы хотим найти настоящего демона-противника – смесь Гитлера, Тодзио и Муссолини, – чтобы прийти в его столицу и раздавить его там. Безоговорочная капитуляция. Затем мы реализуем план Маршалла, примем под опеку многострадальных побежденных и поможем им войти в сообщество наций... Но этого не произойдет... мы должны действовать в рамках гуманитарных операций, ликвидировать последствия, поддерживать мир и принуждать к миру. В какой-то момент нам придется реагировать на экологическую катастрофу. Правда состоит в том, что сам военный конфликт изменился, и мы не хотели это признавать... Непривычные ранее миссии по отражению транснациональных угроз или восстановлению наций сегодня уже в порядке вещей, но мы все еще к ним не адаптировались [Urquhart 2004: 32]⁶.

Далее я исследую, как Силы самообороны интерпретируют смысл этих «непривычных миссий», которые Дзинни считает будущим вооруженных сил. Однако шаги Сил самообороны в направлении нового типа военной организации не обеспечили плавного перехода к различным модусам гендерного аспекта армии, сбалансированным отношениям с гражданским обществом или даже преодолению проблем в восприятии собственного прошлого. На самом деле, несмотря на то что все больше военных образований обретают характеристики и новые задачи, аналогичные характеристикам и задачам Сил самообороны Японии, служащие ССЯ часто ощущают свое несоответствие тому, какими, по их мнению, должны быть настоящие, нормальные вооруженные силы.

Прежде чем углубиться в анализ текущего состояния Сил самообороны, необходимо сделать краткий экскурс в их историю⁷. Уже после окончания Второй мировой войны, 8 июля 1950 года, на волне американского участия в Корейской войне, был основан Резерв национальной полиции (*Кэйсацу Ёбитай*), переименованный 1 июля 1954 года в Силы самообороны (*Дзэйтэй*). Силы самообороны Японии состоят из трех частей – сухопутной, морской и воз-

⁶ Как будто в подтверждение позиции Дзинни, звучат результаты военного исследования усилий по ликвидации последствий урагана Катрина в 2005 году, когда вооруженные силы США обсуждали необходимость введения специальной подготовки и экипировки для такого рода деятельности, чтобы эффективно и оперативно откликаться на природные катастрофы, включая крупные ураганы, наводнения или землетрясения (Eric Schmitt and Thorn Shankar. Military may propose an active-duty force for relief efforts // Нью-Йорк таймс. 2005, 11 октября).

⁷ Познакомиться с траекторией развития Сил самообороны с момента их основания можно в исследованиях: [Buck 1975; Chamban 1997].

душной; они оснащены новейшей военной техникой (танками, кораблями, самолетами и разнообразными первоклассными, однако не ядерными видами вооружений) и имеют все типичные для всех вооруженных сил организационные элементы (территориальные подразделения, бригады, методы тренировки) [Wbeichō 1999: 437. Граф. 46 и 47]. В данной книге главным объектом исследования стала крупнейшая часть Сил самообороны, а именно СССЯ – Сухопутные силы самообороны Японии, насчитывающие 148 000 военнослужащих. Военно-воздушные силы самообороны (ВВССЯ) – это 46 000 служащих, а Морские силы самообороны (МССЯ) – 44 000 служащих. При 37,8 % национального бюджета на их содержание СССЯ получают максимальную долю финансирования⁸.

Начиная с 1950-х годов отношения военных и общества в Японии претерпевали постепенные, но важные изменения, и сдвиги происходили обычно после тех или иных действий Сил самообороны. В 1960 году наступил момент, когда власти хотели мобилизовать Силы самообороны для подавления внутренних беспорядков: в Японии проходила крупнейшая в ее истории массовая демонстрация, сотни тысяч граждан протестовали против продления Договора о взаимном сотрудничестве между Японией и США (*Нитибэй Андзэн Хосё Ёяку*), который должен был прочно связать страну с интересами последних в Дальневосточно-Тихоокеанском регионе. Перед тем как разразились беспорядки, начальник штаба СССЯ Сугита Итидзи разослал ряду высокопоставленных офицеров, находившихся под его командованием, конфиденциальный план мобилизации для поддержания порядка [Sase 1980: 94]. Многие из этих офицеров, как он сам позднее вспоминал, не хотели даже думать о такой мобилизации Сил самообороны и применении их против населения Японии – они надеялись, что полиция справится с подавлением демонстраций без их участия⁹. В такой взрывоопасной ситуации сила общественных антивоенных и антимилитаристских настроений помогла удержать МОЯ от применения против протестующих войск [Yamamoto 2004: 229]. Массовые выступления прекратились, когда премьер-министр Киси Нобусукэ, занимавший пост министра торговли и промышленности в правительстве Тодзё Хидэки с 1941 по 1945 год, а затем заключенный как военный преступник в тюрьму класса «А» и содержавшийся там до 1948 года, ушел на волне общественного негодования и протестов против договора в отставку, и его место занял Икэда Хаято, представивший план удвоения доходов. Движение против договора о безопасности с США со временем разделилось на локальные движения против американских военных баз, и сегодня на публичной арене нигде за пределами Окинавы, где протесты направлены именно против находящейся там базы США, о нем почти не упоминают [Angst 2003; Asato 2003; Ishikawa 1995a; Takazato 1996, 2003].

Еще одним водоразделом в отношениях между военными и обществом в Японии стали в начале 1990-х годов последствия Войны в Персидском заливе, которые оказали воздействие на самовосприятие военнослужащих и общественное мнение о Силах самообороны [Ishikawa 1995b; Hook 1996]. Япония вложила в эту войну 12 млрд долларов и в апреле 1999 года направила в Персидский залив минные тральщики, впервые после Второй мировой войны развернув вооруженные силы за пределами страны. Соединенные Штаты жестко критиковали Японию

⁸ ВВСС получают 23,1 %, и 22,6 % выделяется на долю МССЯ, еще 11,1 % идет на содержание оборонительных укреплений и 5,4 % – на «другие цели» [Wbeichō 2005: 121]. Штаб укомплектован на 90 % (СССЯ), 96,9 % (МССЯ) и 96,4 % (ВВСС) [Wbeichō 2002: 354]. СССЯ включает в себя 12 дивизий, 12-ю и 13-ю бригады, 1-ю и 2-ю смешанные группы; все они относятся к Северной армии и базируются на Хоккайдо; Северо-Восточная и Восточная армии расположены на Хонсю; Центральная армия распределена между Хонсю и Сикоку; Западная армия базируется на Кюсю.

⁹ Родившийся в 1922 году Сугита обучался в Императорской военной академии и затем был направлен на службу в Малайзию. После Второй мировой войны он занимал в СССЯ ряд высоких постов и ушел в отставку в 1962 году. В конце 1970-х в разговоре о возможном удалении формулировки «мобилизация для поддержания порядка» в пределах Японии он настаивал на том, что этот пункт необходимо сохранить. С его точки зрения, люди, которые «критикуют Силы самообороны за то, что те в состоянии повернуть оружие против японского народа, ведут психологическую войну за ослабление страны, как прежде это делали коммунисты». Сугита ссылался на ранние прецеденты развертывания Резерва национальной полиции, которое помогло полиции разогнать демонстрацию в кровавый Первомай 1952 года [Sase 1980: 98–99].

за то, что ее командование не подвергало опасности своих солдат (Uwe Schmitt, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1999, 9 января). Эта критика побудила МОЯ предпринять более согласованные усилия для улучшения профессиональной пропаганды своих войск [Bessatsu Takarajima 1991; Inoguchi 1991; Ito 1991; Yamaguchi J. 1992], и это вызвало дебаты об ответственности Японии на международной арене и вкладе страны в международную безопасность (*кокусай кёкэн*). Несмотря на сомнения в правомерности развертывания японских вооруженных сил за пределами Японии, участие страны в международных миротворческих миссиях получило подтверждение *post factum*, и эта стратегия способствовала усиленному восхвалению Сил самообороны [Hook 1996: 125–126]¹⁰. Первая такая миссия имела место в 1992 году в Камбодже вскоре после принятия закона, регулирующего участие Японии в миротворческих миссиях (*Кокусай хэйва кийрёкүхо*). Японский контингент сопровождала внушительная группа представителей прессы, документировавшая каждое движение подразделения [Katzenstein 1996a; Dobson 2003]. Хотя основная часть японского населения продолжает выступать против милитаризма и участия в войнах за рубежом, после первых миротворческих миссий общественность стала относиться к ограниченному участию Сил самообороны в международных операциях спокойнее.

Международная критика Японии за то, что она ограничилась исключительно финансовым вкладом в войну в Персидском заливе, совпала с усилением внутренней поддержки граждан стремления государства играть на международной арене более заметную политическую и, возможно, военную роль. Согласно Гленну Хуку [Hook 1996], окончание холодной войны и война в Персидском заливе также поставили под сомнение уподобление зарубежных миссий участию в агрессивной войне.

Крупное стихийное бедствие стало еще одной вехой на пути Сил самообороны к общественному признанию и одобрению, а также моментом, когда они вновь оказались в центре внимания СМИ. Сначала после мобилизации Сил самообороны на спасение выживших в землетрясении в Кобэ-Авадзи 17 января 1995 года со стороны национальных и международных медиа в адрес военнослужащих раздавались критические замечания, каждый их шаг подвергался тщательному анализу, всем казалось, что они реагируют недостаточно оперативно и организовано. Но в конечном счете землетрясение и его последствия вынудили военных модернизировать оборудование для возможности оказания помощи жертвам стихийных бедствий, ввести особые циклы обучения, а позднее высокопоставленные командиры и рядовые считали свое участие в спасательной операции очень полезным, а значит, успешным. Среди военных долгое время циркулировали поучительные и вдохновляющие истории о спасении чьих-то жизней. Впоследствии целые когорты новобранцев и курсантов Национальной академии самообороны (НАС) вступали в ряды Сил самообороны в надежде, что их направят на ликвидацию последствий стихийных бедствий спасать людей, которые будут им благодарны, а возможно, их действия станут предметом освещения в телевизионных новостях¹¹. Спасение граждан от

¹⁰ Закон, регулирующий участие Японии в миротворческих миссиях (*Кокусай хэйва кийрёкүхо*), получил одобрение в Парламенте 15 июня 1992 года и в августе того же года был применен на практике. Он содержит пять принципов, касающихся условий и обстоятельств, в которых Япония может участвовать в миротворческой миссии: (1) конфликтующие стороны должны достичь соглашения о прекращении огня; (2) конфликтующие стороны, включая государства, на территории которых они находятся, должны дать согласие на развертывание миротворческих сил и участие в их составе Японии; (3) миротворческие силы должны соблюдать незаинтересованность, не выступая на одной из сторон конфликта; (4) если одно из перечисленных выше условий нарушается, японское подразделение должно быть немедленно отозвано; (5) кроме того, применение оружия должно быть сведено к минимуму, необходимому для защиты жизней персонала подразделения. Согласно поправке от июня 1998 года, применение оружия допускается только по приказу старшего офицера, присутствующего на месте, за исключением случаев, когда жизнь персонала подвергается непосредственной угрозе и нет возможности дождаться такого приказа. Цель этой поправки заключалась в том, чтобы «предотвратить опасность для жизни или замешательства, возникающего при неурегулированности случаев применения оружия, а также для обеспечения более адекватной реакции» [Vöelcher 2001a: 212–213].

¹¹ Национальная академия самообороны (НАС) была создана в 1952 году как подразделение Министерства обороны, а затем названа Хоантё. На первых порах НАС называли Хоан Дайгаку, затем в 1954 году переименовали в Бэйи Дайгаккё.

последствий стихийных бедствий приобрело огромное значение для формирования личности практически всех военнослужащих.

В конце 1998 года пресса восхваляла отряд из восьмидесяти человек с базы СССР неподалеку от Нагои, который незадолго до того вернулся из первой международной миссии Японии по оказанию помощи при стихийных бедствиях в Гондурасе в ноябре и декабре того же года. Миссия в Гондурасе и текущие миротворческие операции повысили самооценку военнослужащих и были отмечены военной администрацией по двум причинам: они убедили политиков, а также национальную и мировую общественность, что японские военные могут успешно действовать на международной арене, внося свой вклад в общее дело, и это позволяет военным иметь позитивный имидж в сложных отношениях между вооруженными силами и обществом.

Однако в начале 1999 года «ракетный инцидент» в Северной Корее породил новые ощущения надвигающейся военной угрозы и стимулировал дебаты о военном потенциале Японии и функциональности американо-японского альянса в области безопасности. Пресса педальировала неспособность Сил самообороны и вооруженных сил США в Японии предотвратить опасные инциденты, а в более общем плане – неготовность Сил самообороны к развитию событий по наихудшему сценарию. Либеральные издания вновь поставили под сомнение конституционную легитимность Сил самообороны, а правые воспользовались шансом критиковать ограничения, мешающие Силам самообороны действовать как «нормальная», «традиционная» или «современная» военная организация [Katahara 2001]. Подобные дискуссии вспыхивали снова и после недавнего участия Японии в военной кампании в Ираке, а споры по поводу отношений вооруженных сил и общества продолжают оказывать сильное влияние на самовосприятие военнослужащих.

Эта книга состоит из пяти глав, в которых рассматриваются различные связанные с Силами самообороны Японии вопросы, представленные с разных точек зрения. В первой главе я предлагаю мой личный взгляд и микроанализ ритмов повседневной жизни на базе СССР – это помогает выявить проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие; в последующих главах я рассматриваю эти проблемы в различных контекстах. Точно так же, как антропологи утверждают, что лучше понимают человеческие сообщества, являющиеся предметом их исследования, посредством включенного наблюдения, офицеры по связям с общественностью из состава Сил самообороны полагали, что я лучше разберусь в ситуации, если своими глазами увижу жизнь военнослужащих. Я не разделяю этого убеждения, но полагаю, что непосредственность и материальность общения в ходе моего пребывания на базе способствовали моим попыткам взглянуть на внутреннюю жизнь Сил самообороны глазами новобранца.

В главе 2 я анализирую структуру мужественности в армии. Исторически война навязывала в качестве идеальной модели экстремальные формы маскулинного поведения, подчеркивая усиленную механизмами физическую доблесть военных и превращая национальную идентичность в резкий контраст между победой и поражением. Однако чем более технологически продвинутой становилась война, тем менее правдоподобным становилось утверждение, что источником традиционной воинской доблести и мужской идентичности является поведение на поле боя [Braudy 2003: XVI, 251]. Соответственно, вставал вопрос: что такое героизм и как конструкт военной мужественности работает в вооруженных силах, не участвовавших в боевых

Только в 1991 году она превратилась в официальное академическое учреждение при Министерстве образования. С тех пор кадеты заканчивают обучение со степенью бакалавра, введена и магистерская программа. До настоящего времени НАС подготовила 19 174 кадета (из них 127 иностранных) и 2155 выпускников высшего уровня (из них 13 иностранных). Президент Академии – гражданское лицо; есть и два вице-президента: один – гражданский, другой – военный. Все главы отделений, кроме руководителя отделения тренинга, гражданские лица. Штат преподавателей включает в себя 350 гражданских и 50 военных специалистов. В настоящее время среди кадетов 1850 мужчин и 150 женщин. Помимо продовольственного обеспечения, кадеты получают 1,6 млн йен в качестве компенсации платы за обучение. Премьер-министр посещает церемонию вручения дипломов выпускникам (см. URL: <http://www.nda.ac.jp/cc/campus/history.html> (в настоящее время ресурс недоступен)).

действиях с самого момента своего основания. Для многих мужчин-военнослужащих вступление в Силы самообороны ознаменовано чувством поражения в той или иной сфере жизни: провал на вступительных экзаменах в обычный университет не оставляет других вариантов, кроме поступления в НАС; низкий уровень доходов лишает шансов на дорогостоящее обычное техническое обучение, и некоторые рассчитывают получить его в Силах самообороны; иногда причина – смутное чувство разочарования сложным положением на рынке труда или отсутствием альтернатив занятости в своем регионе – в итоге люди идут в Силы самообороны, чтобы не остаться за бортом жизни. Стремясь преодолеть это ощущение новобранцами своего поражения, Силы самообороны используют особую гендерную политику – сделать военнослужащих «настоящими мужчинами» и героями нового типа. Однако я утверждаю, что рассуждения о военной мужественности опираются в данном случае не на образ солдата в бою, а на ряд других модусов маскулинности.

Для женщин-военнослужащих в связи с построением образа милитаризованной женственности складывается иная ситуация, однако она переплетается с ситуацией, касающейся мужчин, – об этом пойдет речь в главе 3. Аппараты набора персонала и связей с общественностью Сил самообороны умело представляют женщин-военнослужащих так, чтобы не вызывать опасения насчет мужественности военных, но формировать убеждение, что Силы самообороны ориентированы на широкое общество и на массовую культуру. В соответствующей главе я показываю, что многие женщины в составе Сил самообороны выстраивают свою идентичность как «феминистки-милитаристки», осознавая и огромную важность этого образа для общественного имиджа Сил самообороны, и свое маргинальное положение в рядах военнослужащих.

В главе 4 я исследую стратегии, используемые Силами самообороны для создания своего внутреннего и публичного статуса. Речь пойдет о применении приемов из мира рекламы и поп-культуры с целью приукрасить, нормализовать и сделать вооруженные силы привычными в глазах общественности. Для этого используют комиксы и аксессуары для молодой аудитории, вербовочные плакаты с красивыми женщинами в гражданской одежде, массовые празднества, на которые приходят целыми семьями; представители Сил самообороны стремятся познакомить японских граждан со своей деятельностью, прибегая к исторически и культурно обусловленным способам, чтобы преодолеть изолированность, маргинальность или непонятность статуса военных в глазах современных японцев.

В главе 5 я ставлю вопрос о том, как военные оценивают свое прошлое, отмеченное поражением. Осматривая музеи на военных базах, сопоставляя их с более известными военными музеями, я прослеживаю многочисленные случаи историзации и деисторизации внутри и вокруг Сил самообороны, анализирую, какие виды институциональных эрзац-историй разрабатываются Силами самообороны для представления себя общественности. Как мне представляется, Силы самообороны пытаются сформировать коллективную память, укрепляющую моральный дух военнослужащих и позволяющую им изменить свое позиционирование в японском обществе и на международной арене безопасности. Музеи на базах как основные места приложения таких усилий используют три стратегии репрезентации: локальность, историчность и символизм – с целью очеловечить представителей Императорской армии и уменьшить разрыв между Императорской армией и Силами самообороны.

В эпилоге я рассматриваю некоторые масштабные вопросы, которые служат фоном моего социокультурного и исторического анализа – это вопросы о новых формах милитаризации, статусе вооруженных сил будущего, о понятии нормального государства. Силы самообороны то позиционируют себя как военную организацию, то преуменьшают значение своего военного статуса. Внутри страны и – с 1992 года – за границей японские вооруженные силы действовали в условиях двойственного и неопределенного юридического положения, явного отсутствия

признания обществом и потенциально враждебного общественного мнения¹². Как и почему военные в Японии оказывают влияние на противоречие между репутацией слабых и беспомощных – и репутацией могущественных и воинственных? Каким образом военнослужащие преодолевают сомнения в своей политической уместности и в значении своей организации, которая при всей своей недооцененности имеет один из самых больших в мире бюджетов? Как они справляются с неопределенностью своего статуса преемников Императорской армии, поразившей 7 декабря 1941 года США и весь мир нападением на Пёрл-Харбор, и своей озабоченностью тем, насколько велика их собственная сила сейчас, когда в распоряжении Сил самообороны находится самая продвинутая современная военная техника? Что означают общепринятые высказывания о неуместности, слабости и бессилии вооруженных сил в сегодняшнем мире, где военные организации характеризуются все более изощренными технологиями, а не людскими ресурсами, где главную роль играют военные чиновники, а не воины, чья роль в бою чаще напоминает супергероев из компьютерных игр, а не жизненную реальность? [Wright 2004].

Проливая свет на состояние японских вооруженных сил, я стремлюсь исследовать существующие японским военным тревоги, с которыми все чаще сталкиваются и их коллеги из других стран: беспокойство по поводу своей роли в отечественном обществе и за рубежом, респектабельность конкретных миссий, в которых принимает участие военная организация, разнообразие представлений о военной мужественности и профессиональная идентичность войск в целом.

¹² Общественное мнение о вооруженных силах широко различается в зависимости от конкретной страны, и было бы трудно сравнивать эти ситуации по причине драматического несходства между принципами организации вооруженных сил и их ролью внутри тех или иных обществ. Японское общественное мнение по поводу военных совершенно не похоже на то, как воспринимают свои вооруженные силы в США, где они остаются государственной организацией высочайшего ранга [Leal 2005: 123].

Глава 1 На базе

Мы должны помнить истинную природу нашей роли в качестве членов Сил самообороны и воздерживаться от участия в политической деятельности, глубоко размышлять о почетной миссии, возложенной на нас как на членов Сил самообороны, и гордиться своей работой. По той же причине мы должны без остатка посвятить себя тренировкам и самодисциплине, а перед лицом любых событий быть готовыми исполнить свой долг, даже рискуя самими собой.

Из «Морального кодекса персонала Сил самообороны», принятого 28 июня 1961 г. (цит. по: [Bōichō 2005: 146–147])

У меня ушло полчаса на то, чтобы с помощью рядовой первого класса Тамы Кэйко* натянуть хлопчатобумажную форму и ботинки, кожа которых затвердела от пота десятков солдат, носивших их прежде. Брюки следовало старательно засунуть в ботинки. Излишки одежды плотно сложить складками на спине. Ботинки аккуратно зашнуровать, а концы шнурков спрягать внутри, за краем берца. Рубашка должна быть заправлена в брюки так, чтобы складки спереди и сзади совпадали со складками на брюках. Ремень предназначался для удержания всего этого на положенном месте без стеснения движений. Все пуговицы полагалось застегнуть. На голову надеть фуражку, натянув ее почти до бровей, чтобы козырек защищал от яркого летнего солнца глаза, но они оставались видны другим людям, если я буду смотреть прямо перед собой¹³.

Я покинула удобный кондиционированный офис в Токийском университете, несколько часов мчалась на скоростном поезде, а затем еще два часа ехала на обычном, местном, чтобы оказаться не слишком ранним утром 16 июля 2001 года в городке Кибита и пройти неделю «базовой подготовки» на базе Сухопутных сил самообороны Японии (СССЯ). На станции меня встретили два выпрыгнувшие из джипа мужчины в форме, они доставили меня на базу. На входе они предъявили охране идентификационные карты и обменялись приветственными жестами с дежурными на посту. Младший из них был рядовым, он не назвал мне свое имя. Старший представился как майор Оно Сун*, представитель этой базы по связям с общественностью. Оно тщательно подготовил мой визит и отвечал за организацию интервью с несколькими рекрутами и их сержантами-инструкторами. Эта глава будет посвящена обзору внутренних механизмов работы базы СССРЯ, какими они видятся с точки зрения человека, прошедшего неделю базовой подготовки. Описание личного опыта позволяет мне идентифицировать и представить в нем некоторые ключевые места, людей и предметы внимания, формирующие базу и характеризующие повседневную жизнь японских военнослужащих¹⁴.

¹³ Помимо перечисленного, новобранец получает более 30 других предметов экипировки, в том числе носки, перчатки, нижнее белье; запас рассчитан на два или четыре года [Bandō 1990: 286].

¹⁴ Разработанная для меня программа была основана на турах «Опыт в Силах самообороны» (*Дзэйтай иоштай тайкэн цуа*), которые многие базы предлагают группам японских граждан или корпоративных клиентов в качестве одной из стратегий популяризации образа вооруженных сил или, как формулируют специалисты по связям с общественностью МОЯ, «углубления понимания Сил самообороны населением». Согласно информации компаний, которые рекомендуют своим сотрудникам принимать участие в таких турах, опыт в Силах самообороны поможет им «сформироваться», «выпрямить свою жизнь» и «подготовиться к вызовам профессиональной деятельности в компании через физический опыт следования строгим правилам и дисциплине» [Ishikawa 1995a; *Securitarian* 1997, 1998f, 2000h, 2002d, Higa 2001].

ПРАВИЛА ОПИСАНИЯ

Эта книга основана на методах антропологии и культурологии, в том числе на практике интенсивных интервью и вовлеченного наблюдения, а также на анализе исторических и современных документов, текстов и визуальных материалов. С лета 1998 по весну 2004 года я провела в Японии примерно 19 месяцев полевых исследований. Я убеждена, что такие рамки – самый длинный непрерывный период составлял восемь месяцев в 1998–1999 годах – существенно повышают достоверность моих суждений, как лица, заинтересованного в «понимании» (при всей двусмысленности этого термина) Сил самообороны. Всего я интервьюировала 195 человек: офицеров, кандидатов на офицерскую должность, офицеров в отставке, рядовых в пехоте, артиллерии, транспорте, коммуникациях, военно-воздушных силах, медицинской службе и связях с общественностью, а также в подразделениях международного сотрудничества. Мы разговаривали об их мотивации, опыте, представлениях о собственном будущем и перспективах Сил самообороны.

Я беседовала с военнослужащими на разных этапах карьеры, от лейтенанта до генерал-лейтенанта и адмирала, с кадетами от первого до четвертого курсов Национальной академии обороны и с новыми рекрутами, прошедшими всего три месяца базовой подготовки. В целом эти мужчины и женщины находились в возрасте от 18 до 50 лет, но среди моих интервьюируемых были и ветераны 60, 70 и 80 лет. Военнослужащие беседовали со мной в полевых условиях, между тренировками, в комнатах для переговоров в штаб-квартире базы, в своих кабинетах, в кофейнях и ресторанах, у себя дома. Их опыт сильно различался с географической точки зрения: базы на островах Кюсю, Сикоку, в Кансае и Токио, на Хоккайдо в пределах Японии, а также служба за границей. В некоторых случаях они участвовали в длительных, вплоть до полугода, миссиях в Мозамбике, Камбодже, на Голанских высотах, в Гондурасе. Японские военные атташе могли проводить по делам службы за границей несколько лет. Около 90 % моих собеседников были мужчинами. Их можно примерно классифицировать как членов командования СССЯ (*рикюдзё бакуриото*), офицеров (*сёко курасу но канбу*), офицеров в отставке (*касикан*) и военнослужащих действительного состава (*рикуси*). Если не возникает особой необходимости уточнять их ранг и статус, в этой книге я буду называть их всех «военнослужащими». Помимо военнослужащих, я интервьюировала лиц, состоящих с Силами самообороны в непосредственной связи. В том числе преподавателей Национальной академии самообороны и Национальной медицинской академии обороны¹⁵. Я также консультировалась с исследователями целого ряда научных учреждений, так или иначе аффилированных с Силами самообороны, Министерством обороны и Министерством иностранных дел Японии, занимающимися военными исследованиями. Я брала интервью у находящегося в отставке командующего Северной армией США, который на тот момент входил в совет директоров корпорации по военным технологиям, у бывшего военнослужащего Японской императорской армии, у представителя Ассоциации ветеранов Сил самообороны Японии, отставного генерала (который служил консультантом по безопасности губернатора Токио Исихары Синтаро), у военных атташе Японии в Южной Корее, Италии, Германии и США. Наконец, я беседовала с журналистами, специализирующимися в основном на военной тематике в периодических изданиях от «Иомиури Симбун» и «Майнити Симбун» до «Секьюритариан» и «Джейнз Дефенс Уикли». Некото-

¹⁵ НАС находится под юрисдикцией Министерства обороны, но имеет все права университета. Обучающиеся считаются «государственными служащими» (*токубецу-сёку кокка камуин*) и одновременно студентами. Все студенты живут в общежитиях кампуса и едят в местной столовой. Они не платят за обучение и получают ежемесячную стипендию. Расписание занятий такое же, как в университетах, но к нему добавляется военная подготовка и физические тренировки. Выпускники получают степень бакалавра и достаточную подготовку для службы в качестве офицера. Преподают в Академии и гражданские специалисты, и кадровые военные.

рые военнослужащие и ветераны предоставили мне возможность познакомиться с их личной жизнью ближе, пригласив меня к себе домой, где я много часов провела в разговорах с тем или иным собеседником (обычно мужчиной) за обедом, ужином или кофе с печеньем. В большинстве случаев я встречалась и с их женами, которые участвовали в разговорах, высказывали мнение о жизни жены военнослужащего и комментировали слова мужей. Иногда я общалась и с их детьми, часть из которых никогда прежде не разговаривали с иностранцами.

Посетив множество военных объектов, я смогла проследить типичную карьеру военнослужащих по всей Японии. Как официальному гостю командиров различных баз, включая базу ВВСС Ирума, базу СССЯ Нэрима и базу СССЯ Мацудо, мне было позволено проводить на этих базах целый день. Хотя на каждой базе были свои правила, обычно помощник командира базы встречал меня на ближайшей станции или на въезде на территорию базы, проводил в кабинет командира, где после вежливого обмена приветствиями и краткого знакомства со мной и моим проектом командир назначал сопровождающего, который показывал мне базу. Эти сопровождающие предоставляли мне общую информацию о базе и знакомили с несколькими людьми, занимающимися конкретной деятельностью. На одной базе я интервьюировала представителей личного состава по своей программе, но в присутствии проводника. На других базах у меня была возможность брать интервью как индивидуально у военнослужащих, занятых тем или иным видом деятельности, или во время обеда, так и отдельно от моего сопровождающего, в более непринужденной, менее контролируемой обстановке.

На нескольких базах я посетила дни открытых дверей и военные праздники. На ежегодном дне открытых дверей НАС, который, как и любой японский фестиваль, допускает весьма игристую обстановку, несмотря на жесткий характер учреждения во всех остальных аспектах, некоторые кадеты появились в униформе Императорской армии, другие – в немецкой форме частей СС (*Schutzstaffel*), а третьи прикрепили на доску объявлений свои фото в обнаженном виде вместе с кратким резюме в надежде познакомиться с кем-то из числа гостей праздника. Я исследовала кампус НАС, обедала в столовой, посещала классы и разговаривала со студентами и преподавателями в конференц-залах и учебных аудиториях. Все это дало мне представление о повседневной жизни кадетов на холмах над заливом Йокосука, в нескольких минутах ходьбы от американской базы и на том самом месте, где в первой половине XX века проходили обучение офицеры Императорской армии. Кроме того, я посетила кампусы НВМАС и Коллежда Генерального штаба в Эбису. Я присутствовала на ежегодном параде базы СССЯ в Асаке, где тогдашний премьер-министр Обути Кэйдзэ говорил о необходимости жесткой подготовки Сил самообороны после северокорейского «ракетного инцидента» 1999 года (когда возникла прямая угроза территории Японии). Во время второй поездки на базу ВВСС Ирума вместе с тысячами посетителей я наблюдала, как над нашими головами пролетали самолеты разного типа. Там я внимательно следила за конкурсом «Мисс ВВСС». Женщина-офицер представила участниц, их поздравили представители различных компаний, а ветераны Сил самообороны в парадной форме вручали им подарки. Я провела невероятно жаркий день в начале августа 1999 года на фестивале ВВСС в Мацусиме, наблюдая за выступлением команды «Синий импульс»¹⁶, к которой после аплодисментов присоединилась девушка-модель для фотосессии с посетителями. Два раза по несколько дней, проведенных на грязном тренировочном полигоне на горе Фудзи и в Школе кандидатов в офицеры Фудзи (Фудзи Гаккё) в Готэмба, дали мне представление о последних манёврах старших курсантов перед выпуском (Рис. 1). Они немного поболтали со мной, окопались, подготовились к ночному переходу на 30 километров и совершили его, приветствовав меня утром уже после него. Я вернулась в школу Фудзи несколько лет спустя, в 2003 году, на фестиваль, посвященный ее сорок девятой годовщине.

¹⁶ «Синий импульс» (Blue Impuls Team) – японская пилотажная группа. – *Примеч. пер.*

Некоторые из моих собеседников были настороженными, некоторые оказались рады поговорить со мной¹⁷. Они часто брали на себя роль социально старшего, более опытного лица и/или военного эксперта, когда делились со мной уроками своей жизни и надеждами на будущее. Несмотря на довольно неоднозначную репутацию Сил самообороны и – весьма часто – индивидуальное неблагоприятное социально-экономическое положение моих респондентов, многие из них с очевидной охотой рассказывали мне о своей карьере. Военнослужащие всех рангов удивлялись и радовались тому, что кто-то со стороны интересовался их бытом, отношениями, мнением об их работе и мире в целом. Некоторым из них я, похоже, предоставила первую возможность поговорить об их жизни с кем-то со стороны. Относительная открытость многих опрошенных, особенно тех, кто завершал службу, также может быть объяснена их ощущением того, что Силы самообороны не получают должного признания и оценки. Впервые им предоставился шанс рассказать все кому-то, кто готов это выслушать.

¹⁷ За исключением интервью и бесед с иностранными военными специалистами, все разговоры я вела на японском языке. Я записывала на пленку большинство своих интервью в помещении, но обнаружила, что на улице по причине фонового шума в поле более эффективно делать записи в блокноте. В большинстве случаев мне приходилось обещать, что я не только воздержусь от использования в книге и в других публикациях настоящих имен моих собеседников, но и буду тщательно избегать упоминания любой информации, которая может сделать конкретного человека узнаваемым для других военнослужащих.

Рис. 1. Кадет Национальной академии самообороны на перерыве во время последних манёвров его выпускного года обучения у подножия горы Фудзи, 22–23 июля 1998 г. (фото автора)

Каждые два-три года офицеров переводили на новое место службы, поэтому контакты, которые я устанавливала, часто оказывались временными. С одной стороны, мне было трудно поддерживать связь и продолжать разговоры с определенным кругом лиц на протяжении многих лет. С другой стороны, эти обстоятельства открывали для меня новые возможности. Мне неоднократно удавалось взять интервью у ряда офицеров, которые перешли с офисных должностей в МОЯ на должности командиров баз в сельских районах Японии или с международных постов – обратно на офисные должности в МОЯ; как минимум один из таких офицеров в процессе перевода получил серьезное продвижение по службе. У меня также была возможность взять интервью у преемников прежних респондентов, занимающих различные должности, –

таким образом, я могла фиксировать впечатляющий личностный диапазон и отмечать разницу амбиций и видения задач, которые привносит в должность каждый человек.

Другие важные контакты возникли в результате нескольких встреч – и формальных, и почти случайных. В одном случае официальный визит в МОЯ не увенчался успехом, но потом я буквально наткнулась на офицера, которого искала, на демонстрации учений с боевой стрельбой у подножия горы Фудзи. Он был взволнован тем, что только что добился серьезного повышения. Будучи в этом приподнятом настроении, он тут же заявил, что сможет организовать для меня посещение базы, во время которого я смогу взять интервью у десяти военнослужащих, только что вернувшихся из престижной международной командировки.

Еще один важный контакт удалось установить на прощальном приеме в честь военного атташе по иностранным делам в Токио. Там генерал ВВСС сказал мне, что я напоминаю ему его сына – социолога (который не собирался идти по стопам отца). Два дня спустя он прислал мне электронное письмо и пригласил на базу. Позже он организовал для меня участие в ежегодной демонстрации боевой стрельбы на полигоне горы Фудзи (*Кита Фудзи Энцидзё*) и познакомил с командиром базы СССЯ, с которым дружил еще со времен работы в НАС. В другом случае молодая женщина – ветеран СССЯ, опубликовавшая комиксы о своем опыте службы в Силах самообороны, не только рассказала мне о своей военной карьере, но также познакомила меня с парой офицеров и сопровождала меня к ним домой, где я смогла проговорить с ними почти целый день. Я обнаружила, что чем чаще я возвращалась к полевым наблюдениям, тем меньше зависела от вышестоящих офицеров: каждый раз я знакомилась с людьми, которые знали кого-то служащего в Силах самообороны или имеющего отношение к Силам самообороны. Невестка моего друга, например, оказалась медсестрой в госпитале Сил самообороны, а советник товарища по работе – выпускником одной из школ Сил самообороны. Многие из них откровенно высказывались о Силах самообороны, причем и благосклонно, и критически.

Гораздо отчетливее, чем большинство других учреждений, военные заведения объединены четкой иерархией рангов, специализаций и родов войск. Иерархичность прививается военнослужащим со дня их поступления на службу и проявляется во всем, что они видят и носят: в форменных нагрудных карманах, рукавах, погонах, фуражках, знаменах частей определенного цвета, изображениях цветущей вишни, нашивках и множестве других символов. Учитывая довольно консервативные нормы, существующие в японских вооруженных силах (и консервативный характер японского общества в целом), я не была уверена в том, какой реакции следует ожидать от военнослужащих. Более того, на замкнутость системы указывают стены и заборы вокруг баз, присутствие охранников на въезде на базы и процедуры, принятые при ее посещении: необходимость предъявлять удостоверения личности, а в случае посетителей – заполнять специальные формы. Вооруженные силы в значительной степени закрыты для посторонних¹⁸. Если оставить в стороне относительную неловкость, которую испытывают многие японцы при общении с иностранцем, администрация Сил самообороны вполне могла подозревать, что я могу доставить руководству базы неудобство, если не чрезмерное беспокойство. Меня часто приходилось сопровождать, подвозить и снова забирать, и таким образом я отнимала у кого-то из служащих базы много времени. Правило номер один Сил самообороны – безопасность – относилось и ко мне, и иногда мне приходилось держаться подальше от боевых действий и других полевых учений, где использовались имитационные боеприпасы. Мое здоровье и физическая форма также не воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Я не носила на себе тяжелую экипировку, сопровождая подразделения на различные полевые

¹⁸ Помимо имени и адреса, посетитель должен указать конкретный отдел или человека, куда он направляется, и время регистрации. Потом сотрудник службы пропуска звонит в названный отдел или указанному человеку, чтобы подтвердить готовность к встрече, и после этого направляет к нему гостя. Затем посетитель должен получить особый документ с печатью в отделе или у человека, где его принимали, и с ней явиться к пропускному пункту. Там сотрудник службы пропуска отмечает время выезда посетителя и забирает документ.

учения, однако часами терпела летнюю жару, необходимость идти пешком по высокой травой и неудобной почве, мне нередко приходилось уверять сержантов-инструкторов, что я в полном порядке. А если я оказывалась где-то единственной женщиной, отсутствие отдельной ванной комнаты становилось дополнительной проблемой.

Как и в любом другом учреждении [Douglas 1986], военные полагаются на высокую степень секретности, чтобы следить за своим имиджем и контролировать его. Это относилось и к Силам самообороны, и ко всей той информации, которую они о себе распространяют. Исследователи, занимавшиеся анализом таких организаций, как театральные труппы, спортивные команды и кондитерские фабрики, предположили, что японские учреждения и институты особенно негибки и закрыты для внешнего наблюдателя [Edwards 2003; Kondo 1990; Robertson 1998]. Но некоторые опасения по поводу секретности характерны именно для военных. Командиры, с которыми я разговаривала, считали, что база и ее подразделения являются основой их организации, и беспокоились, что и военнослужащие, которые разговаривали со мной, и я сама оказывались в какой-то степени вне их контроля. Их беспокоило, что я могу услышать и увидеть и как я это интерпретирую.

Моя роль также определялась многими факторами, не зависящими от меня лично. Возможно, истории, которые можно было бы рассказать военному профессионалу или мужчине, кто-то считал неуместными в разговоре со мной, исследователем, иностранкой и женщиной. Если бы я была кем-то другим, один капитан, вероятно, не стал бы извиняться передо мной, прежде чем разглагольствовать о том, как мешает армии интеграция женщин, потому что «они не могут мочиться в полевых условиях и берут выходные на период менструации». Возможно, те военнослужащие, которые участвовали в совместных учениях с вооруженными силами Соединенных Штатов в Японии, не стали бы так прямо критиковать своих американских противников, если бы у меня было гражданство США. Возможно, женщины-военнослужащие, которые рассказывали мне о случаях сексуальных домогательств, которые доводили их до слез, не вдавались бы в такие подробности, будь я ученым-мужчиной. Возможно, положительное отношение к гомосексуалистам и почти всеобщая уверенность моих собеседников в том, что они никогда не сталкивались с геем или лесбиянкой в рядах Сил самообороны, могло казаться более уместным при общении с иностранкой вроде меня, а не с мужчиной, с которым, возможно, было бы неудобно обсуждать ненормативную мужскую идентичность. Предположение, что я должна быть сочувствующим аутсайдером, основывалось как на моем общем интересе к жизни военнослужащих (а не исключительно на проблематичных аспектах вооруженных сил), так и на общем негативном восприятии военных, которое провоцирует у них постоянный самоанализ, контроль высказываний и попытки самоутверждения. Однако, как только выяснилось, что я не заинтересована в публикации результатов своих исследований в японских таблоидах, потребность в осторожности и секретности отпала. Меня стали воспринимать прежде всего как ученого, а эта профессия обладает в Японии высоким престижем – большинство военнослужащих, с которыми я разговаривала, выражали восхищение, когда узнавали, что я сотрудничаю с Токийским и Киотским университетами, двумя элитными учебными заведениями Японии.

Не следует недооценивать влияние на отобранный для интервью персонал руководства базы, но я проводила опрос большого количества людей с разными взглядами на их личную карьеру и на Силы самообороны как на организацию. Некоторые из опрошенных мной были выбраны администрацией, некоторые были спонтанно предложены полевым командиром во время учений, а некоторые представлены мне через третьих лиц, не связанных с военными напрямую. Иногда военнослужащие опасались, что их личный опыт не окажется репрезентативным, и мне приходилось убеждать их в том, что меня действительно интересуют их личные взгляды на жизнь внутри структуры Сил самообороны. Многие из них были очень красноречивы и рассказывали увлекательные истории. Например, один подполковник, с которым я бесе-

довала, когда его командир работал за столом в том же кабинете, без колебаний отмахнулся от опасений своего начальника по поводу успешного выполнения полученной ими задачи. Несколько офицеров одного звания яростно спорили друг с другом по поводу того, как скажется миссия в Ираке на репутации Сил самообороны. Только что вернувшийся с миротворческой операции капитан подробно рассказывал мне, как абсурдно предположение, что военнослужащие воздерживаются от секса в течение шести месяцев пребывания за границей; он сообщил, что их снабжают на базе презервативами и информацией о «безопасных публичных домах» в районе развертывания. А однажды иностранный военный атташе, который, казалось, был сдержан и полон решимости сообщить мне официальную точку зрения его страны на Силы самообороны и «превосходное сотрудничество» между ними и вооруженными силами его страны, пришел в искреннее волнение, когда мы затронули тему вопиющего отсутствия у японских офицеров исторических знаний. В присутствии своих коллег – японских офицеров – корейский военный, посетивший Колледж Генерального штаба в Токио, уверенно заявил, что японские солдаты недотягивают до своих корейских коллег. Он вообще заявил в итоге, что японцы не были настоящими солдатами.

В целом, четкие границы между военнослужащими, в основном мужчинами, и мной, аутсайдером и женщиной, которые автоматически ставили некоторые аспекты организации моей работы за пределы моего контроля, были способны помешать исследованию, но тот же самый статус в других ситуациях способствовал интимным, неофициальным и критическим высказываниям военнослужащих, у которых я брала интервью.

ШТАБ-КВАРТИРА

После переодевания в форму первой моей остановкой был кабинет командира в штабном здании базы. В отличие от штаб-квартиры Сил самообороны в Итигая (Токио), сочетающей очарование постмодернистского правительственного учреждения из стекла и бетона с образом средневекового японского замка, местная штаб-квартира располагалась в простом прямоугольном строении. В вестибюле стояла стеклянная витрина со спортивными трофеями и свидетельством об участии в операции сил ООН по наблюдению за прекращением боевых действий (СООНП). Несколько человек с этой базы участвовали в первой миротворческой миссии Сил самообороны в Камбодже с июля 1992 по сентябрь 1993 года. Международные миссии – это знак престижа как для отдельных военнослужащих, так и для полка. Майор Оно объяснил мне, что неоднозначная репутация Сил самообороны улучшилась прежде всего благодаря успешным миротворческим миссиям и роли группы в операциях по спасению и оказанию помощи после землетрясения в Кобэ-Авадзи в 1995 году (несмотря на первоначальную критику за то, что Силы самообороны медленно мобилизовывались и были недостаточно эффективны).

Сам Оно не участвовал в мероприятиях по оказанию помощи при стихийных бедствиях в районе Кёбэ, но по своему опыту участия в аналогичной, хотя и меньшей по масштабам операции знал, что представляла собой такая работа для военнослужащих, которые в ней участвовали. В 1974 году, сразу после завершения базовой подготовки, его подразделение было мобилизовано для ликвидации лесного пожара. Это было ужасно, сказал он, признавшись, что думал о возможной гибели. «Тогда я опасался за свою жизнь, – с содроганием вспоминал он, – но, к счастью, никто из наших солдат не погиб».

Майор Оно Сун, мужчина лет пятидесяти, который очень серьезно относился к своей работе и редко улыбался, вступил в Силы самообороны в 1976 году. Он планировал выйти в отставку через несколько лет, чтобы принять от отца строительный бизнес, но служба ему так понравилась, что он остался в вооруженных силах. Его отцу было пятнадцать лет, когда закончилась Азиатско-Тихоокеанская война (1941–1945), и он решительно выступал против решения сына присоединиться к новым войскам, поскольку приравнивал Силы самообороны к Императорской армии. Дедушка Оно, не призванный в армию во время войны, напротив, поощрял внука в его намерениях. Многие военнослужащие, подобно Оно, дорожат своей профессией, потому что им нравится ритм жизни на базе и вокруг нее, полевые тренировки на открытом воздухе и почти исключительно мужская компания. Отвечая на вопрос о занимаемой им на базе более года нынешней должности начальника отдела по связям с общественностью, Оно сказал, что он бы предпочел снова стать командиром взвода. Однако поскольку, по его собственной оценке, он был слишком стар и не мог служить наравне с молодыми мужчинами (а возможно, и женщинами) в полевых условиях, Оно понимал, что уже не вернется к прежней должности.

В кабинете командира за тяжелым деревянным столом нас ждал полковник Като Сэйго*, высокий мужчина лет сорока. В просторном помещении стоял диван и было обустроено место для переговоров, в качестве дополнений там находились витрина с памятными предметами и красная ковровая дорожка, тянущаяся от двери до стола. Полковник Като поздравил меня с прибытием на базу, рекомендовал обращаться к Оно во время моего недельного визита, как к настоящему отцу, и выразил надежду, что я извлеку из своего пребывания на базе пользу. Меня познакомил с полковником один из его бывших подчиненных в НАС, с которым я общалась последние три года и который находился в самом центре моей сети контактов в вооруженных силах. Иногда командиры баз, позволявшие мне брать на их базе интервью, или военнослужащие, с которыми я беседовала за пределами базы, объясняли, что считали себя обязанными согласиться на мою просьбу, потому что были в долгу перед моим контактными лицом. Однако

в некоторых случаях поддержка, которую я получила от военнослужащих, была явно мотивирована любопытством и, возможно, моей лестью. В других случаях согласие на разговор со мной становилось следствием взаимных обязательств между офицерами, бывшими однокурсниками в НАС, коллегами по офицерскому курсу на раннем этапе карьеры или просто друзьями. Один командир базы едва скрывал свое нежелание уступить моему контактному лицу, но чувствовал себя обязанным сделать это по причинам, которые так и остались для меня загадкой. Командир Като, однако, не дал понять, было ли его гостеприимство ответом на давно оказанную ему услугу, или он сам оказывал этим гостеприимством моему контактному лицу услугу.

После короткой встречи с командиром базы Оно проводил меня в отдел по связям с общественностью, расположенный на первом этаже штабного здания. Под руководством Оно работали четыре военнослужащих, в том числе рядовая первого класса Тама Кэйко. Когда мы вошли, все они сидели за письменными столами, занятые канцелярской работой. У меня было несколько минут, чтобы заглянуть в газетный киоск с набором газетных и журнальных публикаций, в которых были представлены основные факты о трех составных частях Сил самообороны, материалы по вербовке и связям с общественностью и собственные периодические издания Сил самообороны, таких как «Секуритариян», «Асагумо» и «Соло». Там же я заметила видео с маневров, тренировок спецназа, ежегодной демонстрации боевой стрельбы и других публичных мероприятий, которые доступны в магазинах базы и крупных книжных магазинах. Видеоролики снимаются операторами Сил самообороны и, как правило, демонстрируются сочувствующим не из числа военнослужащих, в том числе представителям компаний, поддерживающих те или иные мероприятия или направляющих своих новых сотрудников на недельную стажировку и программу обучения на базе, и сотрудникам школ, которые приглашают офицеров по набору рекрутов для информирования учеников средних и старших классов о Силах самообороны, а также находящимся по соседству с базами организациям, с которыми Силы самообороны стараются развивать и поддерживать хорошие отношения.

Офицеры по связям с общественностью обслуживают не только офицеров и рядовой состав, но также журналистов и фотографов, которые работают в журналах и газетах, издаваемых МОЯ, а также в информационных бюллетенях, которые производятся и издаются отдельными базами Сил самообороны. Основные обязанности этого подразделения заключаются в создании, распределении и контроле информации, доходящей до широкой общественности, включая усилия по почти полному сокрытию такой информации об инцидентах, которые могут нанести ущерб имиджу Сил самообороны: несчастных случаях, самоубийствах и уголовных преступлениях, совершенных военнослужащими. Отдел по связям с общественностью каждой базы проводит неизменные ежегодные мероприятия, например празднование дня основания базы, фестиваль цветения сакуры, праздник Обон¹⁹ или спортивные соревнования, открытые для публики, – всё это делается во имя создания образа Сил самообороны как открытой, доступной (*хиракарэта дзиэтай*) организации.

Помимо праздников на базе, Оно и его сотрудники затрачивали много времени, организуя участие военнослужащих в местных общественных мероприятиях и их активное сотрудничество с жителями окрестных поселений. Майор сказал мне, что их полк часто вызывали для того, что Силы самообороны называют «деятельностью на общее благо», – под этим подразумевается работа с населением, призванная «углублять взаимопонимание Сил самообороны и местного населения». Только за один предыдущий год военнослужащие полка в Кибите помогли провести 11 крупных местных мероприятий, от фестивалей до спортивных соревнований. Во время праздников военнослужащие надевали традиционные костюмы и участвовали в шествиях; другие военнослужащие в официальной форме готовили игровое поле для спор-

¹⁹ Обон – традиционный японский трехдневный праздник поминовения душ усопших. – *Примеч. пер.*

тивных акций. Аппарат по связям с общественностью МОЯ с энтузиазмом использует эти возможности, чтобы представить войска с лучшей стороны, то есть как организованную, дружелюбную и сильную группу мужчин и женщин. Отдельные военнослужащие на этой и многих других базах, которые я посещала, были настроены не так восторженно. Несмотря на то что за время, потраченное на общественную деятельность, военные получают компенсацию в виде отгулов, по словам Оно, они, как правило, не любят эти акции, потому что приходится работать вне обычного графика, часто по субботам и воскресеньям [Terada 2001; Ishikawa 1995b].

В КАЗАРМАХ

Казармы базы СССР Кибита для военнослужащих-мужчин представляют собой одно- или трехэтажные здания. За каждый этаж отвечает один сержант. «Начальник комнаты» (*хэйамто*) – обычно тот, кто прожил на базе дольше всех, – отвечает за решение проблем своих соседей. В одной комнате размещают четырех военнослужащих одного ранга. На некоторых базах есть двухъярусные кровати и иное количество проживающих в комнате. На базе СССР Кибита переход к четырехместным комнатам произошел совсем недавно ради того, чтобы сделать жизнь в Силах самообороны более привлекательной, особенно для тех мужчин, которые находятся далеко от удобного семейного дома. Сокращение числа проживающих в комнате лишь один из способов привлечь и удержать на службе больше молодых людей. НАС, например, опробовало различные модели проживания, пока число кадетов в комнате не достигло всего двух. Помимо уединения, которое помогает отдохнуть, причиной тому была надежда, что меньшее количество соседей в комнате снизит уровень преследования новичков старшими кадетами. Однако в конце 1990-х годов НАС пришлось вернуться к заселению по четыре человека на комнату, так как меньшее количество привело к «дисциплинарным проблемам». У каждого военнослужащего базы СССР Кибита есть железная кровать и небольшой шкафчик для личных принадлежностей, часть вещей сложены под кроватью, на маленьком столе или на стуле. «В их комнатах у них не должно быть ничего ценного», – объяснил мне сержант этажа, однако стереосистемы и телевизоры допускаются, чтобы «создавать чувство уединения и индивидуальности». Сержант рассказал, что, когда он пришел на базу в 1970-х годах, в каждой комнате жило не менее десяти человек и никакие личные вещи не разрешались. Вместо дверей в комнатах были занавески, так что уединение было принципиально невозможно. За пределами комнат, в коридорах казарм Кибиты, на деревянных ручках висят форменные фуражки. Стены голые, если не считать плакатов, прославляющих «доблесть военнослужащих». Полы из линолеума блестят. Зеркало в полный рост висит возле лестницы на стене на каждого этажа.

Женские казармы существенно отличаются от мужских. На других базах женщины-военнослужащие жаловались на то, что их размещают в самых старых, ветхих и неудобно расположенных зданиях, но здесь, в Кибите, казармы для женщин-военнослужащих были недавно отремонтированы [Fukukawa 1995]. В то время как в старых мужских казармах преобладают серый и зеленый цвета, в помещениях для женщин повсюду ярко-желтый, оранжевый и бледно-розовый. Пол в общей комнате частично покрыт соломенными циновками и только частично – линолеумом. Выделены специальные места общего пользования для стирки и сушки белья. Небольшая комната с кондиционером отведена для курения. Там я впервые беседовала с Сёкэй Руми* и Тамой, которые оказались важнейшим источником информации о тонкостях повседневной жизни на базе применительно к женскому персоналу. Часть здания занимали мужчины, но двери в женские помещения казармы были закрыты, а на входе незваных гостей предупредила табличка: «Вход мужчинам запрещен». Тама подчеркнула, что любой мужчина, обнаруженный в женской части казармы, будет уволен из Сил самообороны.

В течение следующего часа или около того наша беседа коснулась мотивов этих двух женщин поступить в вооруженные силы, их нынешних разочарований и планов на будущее. Им обоим чуть за двадцать, им нравится физический труд и возможность поддерживать себя в спортивной форме, а не «сидеть весь день за компьютером», что, как они представляли, ожидало бы их на другой работе. Они признались, что часто задают себе вопрос, не стоит ли уйти из Сил самообороны. Рядовая Сёкэй, находящаяся всего на втором году службы, не собиралась оставаться в Силах самообороны навсегда; но определенных планов на будущее у нее не было. Тама служила в Силах самообороны четыре года и, казалось, чувствовала отчаянную необходимость как можно скорее принять решение. С одной стороны, размышляла Тама, сейчас ей

будет трудно уйти, потому что ее только что повысили. С другой – она считала, что не сможет получить другую профессию и выстроить новую карьеру, если не покинет вооруженные силы в ближайшее время. Вступившая в Силы самообороны сразу после окончания старшей школы, Тама сожалела, что у нее никогда не было возможности познакомиться с университетской жизнью. Как и для многих военнослужащих, Силы самообороны не были для нее сознательным выбором судьбы. Она хотела стать полицейским, но не сдала экзамен, поскольку конкурс там был выше, чем при поступлении в Силы самообороны. В армии она хотела выучиться на медсестру или специалиста по связям с общественностью, чтобы приобрести навыки, которые впоследствии пригодятся в гражданской деятельности, но начальство проигнорировало ее желание. Ее отправили в пехотное подразделение – род войск с особенно малым количеством женщин. Муж Тама служил в том же полку. Она ценила возможность жить вместе, но все же была расстроена таким назначением. В отличие от других видов вооруженных сил, пояснила Тама, «служба в пехоте не дает возможности приобрести навыки, которые можно было бы использовать вне базы и вне армии».

На протяжении всего срока службы в Силах самообороны военные часто придумывают списки возможных для себя должностей, сортируя их по предпочтениям. Но окончательное решение принимает военная администрация, и, как правило, мотивы распределения остаются неясными для заинтересованного лица. Конечно, назначения, переводы и продвижения по службе основаны на оценке навыков военнослужащего, но есть и другие соображения, такие как возраст, а также внутренняя логика вооруженных сил. В случае с Тамой назначение в пехотное подразделение могло быть вызвано переизбытком женщин в подразделениях медсестер и необходимостью их более равномерного распределения по разным частям вооруженных сил.

Обе женщины-рядовые время от времени чувствовали, что впустую тратят свое время и деньги налогоплательщиков. Они были уверены, что в условиях экономического кризиса общественность воспринимает их как обузу для национального бюджета. Иногда, по словам Тамы, чувство бесполезности было невыносимым. Ее беспокоило, что полицейских всегда показывают по телевидению и в фильмах как героических защитников и спасителей общества, а военнослужащие, которые «тренируются намного усерднее, никогда не появляются на телевидении и вовсе не считаются героями. Нас даже не ценят», – заявила Тама. Они «считают, что мы крадем налоги», – добавила Сёкэй. Когда Сёкэй предположила, что плохая репутация военных может быть связана с тем фактом, что Силы самообороны никогда не участвовали в войне, Тама спросила ее, хотела ли она когда-нибудь войны. «Нет, конечно нет», – ответила Сёкэй. «Так думают только сторонники правых сил», – добавила она. Обе женщины считали, что Силы самообороны стоят перед политической дилеммой, которую Тама понимала следующим образом: правые хотят вернуть императору его довоенное и военное положение, чтобы вторгнуться в другие страны. Левые настроены против Сил самообороны и против войны. В пространстве между этими двумя крайностями Силам самообороны трудно обрести под ногами твердую почву. Несмотря на то что поколение военнослужащих с военным опытом в Императорской армии давно ушло в отставку и ни один из тех, кто пришёл им на смену, не участвовал в боевых действиях, Тама призналась, что разговоры о войне обычны в горах, во время напряженных полевых учений. «Когда мы сидели вконец измученные несколькими днями тренировок в лесу, ни разу не заглянув на базу, рано или поздно разговор заходил о войне. Если бы разразилась война, – заявила Тама, – большинство из нас, мужчин и женщин, ушли бы со службы». Основная причина, по ее мнению, заключалась в том, что многие молодые рядовые присоединились к Силам самообороны из-за относительной безопасности работы, которую трудно найти в условиях нынешнего экономического спада. В то время как гарантия занятости была мотивационным фактором для рядовых и сержантов всегда, с первыми признаками рецессии в начале 1990-х годов она стала еще более важной для военнослужащих более высокого ранга.

Тама намекнула на еще одну проблему, с которой сталкиваются женщины-военнослужащие. «Со стороны кажется, что никакой дискриминации женщин нет, потому что теоретически все организовано по рангам, но на самом деле дискриминации много». Уже за время их короткой военной карьеры очарование Сил самообороны, описанное в блестящих разноцветных брошюрах, испарилось. «Я не хочу, чтобы со мной обращались как с женщиной», – сказала Тама, подчеркнув, что ее основной мотивацией для поступления на службу в Силах самообороны и продолжения этой службы было желание соревноваться с мужчинами и побеждать их. Ее голос звучал грустно, когда она заметила, что вряд ли это должно быть единственной причиной оставаться в армии. Она знала, что женщин не пускают на передовую «из-за возможности изнасилования противником». Учитывая, что «войны все равно нет», она сочла это довольно «нелепым оправданием для замедления продвижения женщин по службе и карьерной лестнице». Однако дискриминация по признаку пола проявляется даже в незначительных повседневных действиях. Когда Тама встречалась с мужчиной, за которого потом вышла замуж, ей приходилось держать это в секрете, хотя она подозревала, что об их отношениях знали все. Они не разговаривали друг с другом на базе во избежание слухов, которые негативно повлияли бы на них обоих, так как интимные отношения между военнослужащими не приветствуются и даже прямо запрещаются кадетам НАС. Выйдя замуж, Тама никогда не садилась рядом с мужчинами в столовой и избегала разговоров с кем-либо из них наедине, что было нелегко, поскольку она была одной из дюжины женщин в полку из нескольких сотен человек. Если бы она это сделала, некоторые из мужчин, по ее словам, стали бы говорить о ней гадости и распространять сплетни, что у нее, должно быть, роман на стороне. «Каждая женщина сильно бросается в глаза, ты постоянно находишься под наблюдением» – объяснила Тама.

В СТОЛОВОЙ

Я смогла оценить слова Тамы о постоянном наблюдении, когда обедала с ней в огромной столовой. Войдя, я сосредоточилась на том, чтобы снять фуражку и держать ее под левой рукой, одновременно взяв поднос и раскладывая по тарелкам суп, рис, мясо, овощи в густом соусе, персики на десерт. Еда – жирная и соленая – говорила об армейской жизни многое. Мнение о том, что солдаты выполняют тяжелую физическую работу и, следовательно, должны есть пищу с высокой калорийностью, здесь, очевидно, было воспринято буквально. Высокий уровень соли должен был компенсировать усиленное потоотделение во время ежедневных упражнений. Такая еда не относится к какой-либо конкретной региональной кухне, она довольно дешева, поэтому ее можно готовить в больших количествах и хранить в тепле в течение нескольких часов.

Тама едва подняла глаза, когда искала свободный столик. Ее манера поведения стала подчеркнута сдержанной и нейтральной. Исчезла молодая оживленная женщина, с которой мы только что вели эмоциональный разговор, женщина, озабоченная тем, что в юном возрасте она, возможно, уже совершила непоправимую ошибку, присоединившись к Силам самообороны. В женской казарме она свободно рассуждала, красноречиво рассказывала о своем опыте – в столовой она молчала. Я быстро поняла, что это не место для разговоров. Она была все той же невысокой и миниатюрной молодой женщиной, но в профессиональной среде она казалась одновременно невидимой и готовой бросить вызов всем и каждому, кто может встретиться на ее пути. Я пыталась есть так же быстро, как она. Звуки игрового шоу, которое шло по телевизору, включенному на полную громкость, вливались в оглушительную какофонию двигающихся стульев, стучащих ботинок, шума с кухни. Некоторые мужчины расположились парами и группами, другие ели в одиночестве. Кроме нас двоих, я не заметила ни одной другой женщины. Когда мы вошли, некоторые мужчины подняли на нас глаза. Лишь немногие из них разговаривали друг с другом. Все глотали пищу большими кусками, вскакивали и быстро уходили. Было ясно, что здесь не место для посиделок. Покончив с обедом, мы встали в очередь, чтобы сбросить остатки еды с тарелок в канализацию, слегка ополоснуть посуду и поставить ее в таз с водой, где она замачивалась перед основательным мытьем на кухне. Выйдя из столовой, я снова надела фуражку и вышла на яркий солнечный свет.

В ПОЛЕ

Главным утренним событием оставшейся части недели для меня было участие в базовой тренировке (*кёрен* и *кихон кунрен*). Одета в зеленую форму, застегнутую до шеи, я стояла по стойке «смирно» или «вольно», маршировала, поворачивалась на 45°, 90°, 180°, кругом, отдавала честь, касаясь фуражки или каски, отдавала честь с непокрытой головой, кланялась флагу, стояла неподвижно во время полуденной переключки в сорокаградусную летнюю жару. Приказы выкрикивались стакато, из-за чего я почти не могла различать простые слова, такие как «*Кио цукэ!*» («Внимание!») или «*Ясумэ!*» («Вольно!»). Сержант постоянно корректировал каждое мое движение. Я стояла, слишком широко расставив ноги. Я шла слишком напряженно или недостаточно напряженно. Я повернулась слишком поздно. Я слишком сильно выдвинула подбородок вперед. Я повернулась, как танцор, а не как солдат в военном строю. Я чувствовала себя глупо с каской на голове. Услышав, как он выкрикивает приказы, изо всех сил пытаюсь поставить ногу правильно, я думала одновременно о разном. Почему включенное наблюдение считалось ключом к пониманию ситуации? Почему я покинула прохладу университетских кабинетов и библиотек, чтобы вышагивать на плацу, обливаясь потом? Хуже всего оказалось то, что когда я в четвертый раз повернула не в ту сторону, то смущенно улыбнулась. Сержант прервал мои размышления: «Обещай мне одно. Не улыбайся, когда ты на тренировочной площадке! Никогда!» Его предупреждение было излишним: сосредоточенность не давала мне в полной мере ощутить смущение – однако понадобилось несколько дней, прежде чем я начала чаще действовать правильно и избегать гневных упреков.

Во второй половине дня я обычно сопровождала подразделения на различного рода полевых учениях (*бутай кэнгаку*): стрельба из винтовки или прицельная стрельба из минометов (Рис. 2), боевая подготовка, включая стрельбу из пулеметов по войскам, обозначенным как подразделения противника, в лесу, в нескольких милях от базы (*сэнта кунрэн*).

Несколько полков по всей стране предназначены для обучения основной массы новобранцев. Только в марте и апреле, когда их число становится слишком большим, чтобы его полностью поглощали эти полки, избыточный поток новичков обучается на базах вблизи их родных городов. Базовая подготовка состоит из двух этапов по три месяца каждый. На втором этапе новобранцы распределяются по специальностям, по которым они проходят профессиональную подготовку. По истечении шести месяцев рядовые отправляются на службу в соответствующие подразделения на базах по всей Японии, а выпускники НАС переходят в учебный центр СССЯ в Куруме, Кюсю.

В течение недели на базе моими товарищами были выпускники школ и университетов, а также люди, которые до прихода в Силы самообороны успели где-то поработать. Все они были новобранцами (*син тайин*), начавшими базовую подготовку три месяца назад. Новобранцы-женщины в течение первых трех месяцев обучаются в женских подразделениях в лагере СССЯ Асака, примерно в полчаса езды от станции Икэбукуро в Токио, но на втором этапе они присоединяются к мужчинам [Bōei Kenkyūkai, 1996: 66–67].

Рис. 2. Военнослужащие СССЯ во время минометных учений на базе СССЯ Кибита* летом 2001 года (фото автора)

Согласно уставу Сил самообороны, цель первого этапа базовой подготовки состоит в том, чтобы «пробудить понимание миссии военнослужащего, развить основные навыки, включая дисциплину, этику и сильное чувство ответственности, мастерство в групповой жизни и тренировке физической силы» [Вбѳи Кенкюйкаи 1996: 46, 65–66]. Предметы, которые входят в программу первых трех месяцев, включают в себя духовную подготовку (*сэйсин кёйку*) или умственную подготовку (*кокорогамэ*), государственную службу, базовые знания по различным специальностям, боевую подготовку и боевую технику, а также спорт [Вбѳи Кенкюйкаи 1996: 66]²⁰. В дополнение к этим компонентам военнослужащим также рекомендуется развивать

²⁰ Термин «духовное обучение» стал проблематичным из-за его коннотаций с военным временем. Военнослужащие старшего возраста все еще используют его, но сегодня в публикациях Сил самообороны чаще встречается более современный

«любовь к людям» (*хито о ай си*) и патриотизм (*куни о ай си*, известный как *айкокусин* или *сококуай*). Патриотизм, согласно уставу, объединяет «любовь к своему краю» (*киодо ни*) и «любовь к своей расе/нации» (*миндзоку ни*) [Вои Kenkyūkai 1996: 57–60]. В период моего «обучения» новобранцы, с которыми я встречалась, все еще говорили на языке, совершенно отличном от лозунгов их вербовщиков, о которых пойдет речь в главе 4. Каждый день, по их словам, был полностью регламентирован, начиная с переклички в 6 утра, когда они собрались на раннюю утреннюю пробежку, до вечера, когда выключали свет²¹. Базовая тренировка была «действительно тяжелой» для одних и «не такой тяжелой, как ожидалось», для других, но потом стало возникать напряжение: постоянно следить за своей униформой, находиться вдали от своей семьи (для многих впервые), соблюдать тысячу правил, совершенно необходимых, не иметь ни минуты уединения. Они усвоили неписанные правила кадетской иерархии НАС, где «старшие – императоры, младшие – люди, второкурсники – рабы, а первокурсники – отбросы» [Sekizaki 1995: 78]. Они терпели издевательства со стороны старших кадетов или других новобранцев, а некоторые с нетерпением ждали тех дней, когда сами смогут передать часть этих испытаний следующему курсу. В течение первых нескольких месяцев новобранцы на базах по всей Японии и курсанты НАС плачут, разговаривая со своими матерями по телефону. Некоторые из них не возвращаются на базу или в кампус НАС в первые же выходные после трех недель непрерывного обучения²². Однако большинство из тех, кто перейдет на второй этап базовой подготовки, останутся как минимум на один двухлетний контракт.

Большую часть времени на базе СССЯ Кибата я брала интервью у двух десятков рядовых, кадетов и сержантов в перерывах между полевыми учениями, что создавало условия для записей поспешных, но в то же время более спонтанных и прямолинейных (Рис. 3). Я создавала ситуацию искусственно, организуя интервью прямо на траве, вне пределов слышимости сослуживцев моих респондентов, при этом полигон был их пространством. Разговор, особенно с сержантами и старшими военнослужащими, протекал так свободно, что я едва успевала записывать. Военнослужащие, которые казались уверенными и довольными своей службой и карьерными перспективами в Силах самообороны, а также высокопоставленные военнослужащие и старше чувствовали себя во время интервью более комфортно. Военнослужащие, которые получали удовольствие от своей работы, чаще шутили по этому поводу, но в то же время смелее отзывались о своем личном опыте и о Силах самообороны как организации критически. Некоторые из рядовых, чьи отцы были ветеранами вооруженных сил, никогда не думали о другой карьере и с очевидным энтузиазмом принимали вызовы полевой подготовки. Сержанты, проведшие жизнь в полевых условиях, обучая многочисленные группы войск, похоже, не беспокоились о заботах тех офицеров, которые отвечали за связи с общественностью и за поддержание боевого духа, организацию самоуправления, имидж Сил самообороны и отчасти за мнение общественности о вооруженных силах. Пот стекал с их лбов, пока я задавала им вопросы о карьере, впечатлениях от новобранцев и о том, как они познакомились со своими женами. Огромные муравьи заползли мне в рукава. Солнечный удар казался неминуемым.

термин «психологическая подготовка». Впервые он был использован представителями Научно-исследовательского института обороны в 1955 году. Первоначальный проект «Ментальный взгляд» (или «Персонал Сил самообороны» – *Дзэйкан Сэйсин яка*) был составлен к 1960 году и распространен среди инструкторов в НАС и других специалистов по военной подготовке и воспитанию рекрутов. В 1961 году окончательная версия была выпущена под заглавием «Ментальная подготовка» (или «Персонал Сил самообороны» – *Дзэйкан но кокорогамэ*).

²¹ В японских вооруженных силах в качестве побудки и сигнального инструмента использовалась труба – такая практика была принята с основанием там в сентябре 1869 года под руководством Десятой британской армии первого духового оркестра. Затем в Японии стали создавать свои военные оркестры (*гунгакутай*), которые воспринимались как часть освоения западной культуры; они играли на армейских мероприятиях, в церквях, парках и музыкальных школах [Tsukahara 2001: 84].

²² Когда новый рекрут не возвращается на базу после выходных, потому что хочет покинуть службу, обычно он или она где-то прячется, а командование Сил самообороны разыскивает таких новобранцев, а затем «увольняет по его/ее просьбе» (*иган тайсёку*) [Ishikawa 1995a: 105].

Рис. 3. Интервью автора с военнослужащим СССЯ

Сержант Сакураи Сусуму* излучал именно такую уверенность, основанную на опыте, своей роли и понятном месте в Силах самообороны. Он видел свою задачу в том, чтобы привести новобранцев в должную физическую и моральную форму. Он обучал их более 15 лет и был уверен, что видел все: и пот, и слезы, и отказ от службы. «Новобранцы, – говорил он убежденно, – всегда более или менее одинаковые». Но когда я спросила его о молодом поколении, он покачал головой: «Некоторые даже никогда прежде не стирали собственную одежду. Большинство из них еще дети и не привыкли работать в команде. Некоторые едва справляются со слезами. Только потому, что я кричу на них», – он засмеялся. Другие сержанты-инструкторы рассказывали похожие истории: «Сегодня молодых людей нужно обучать целую неделю только тому, что нужно избавиться от длинных или крашенных волос, что на форме не должно быть пятен, что не надо расстегивать штаны, когда садишься есть» [Ока 1998: 212]. Однако мои интервью слишком быстро закончились. Вернувшись в траву, которая доставала мне до пояса, и в кусты, где шла тренировка, напоминающая игру в прятки, но с ритмичным треском автоматных очередей, я потеряла из виду сержанта Сакураи и подразделение под его командованием.

Минометная подготовка на базовом полигоне – совсем другое дело. За каждым минометом, похожим на маленькую пушку, выстраивались по четыре человека. По команде они подбегали к миномету, ставили его в боевое положение напротив цели, настраивали визир и через несколько секунд кричали что-то наблюдавшим за ними сержантам – это означало: «дело сделано». Время и скорость были превыше всего. Мужчины запыхались от усилий, их форма промокла от пота. Совсем нескором отвечающий за тренировку сержант позволил им сделать перерыв, чтобы одна из групп могла показать мне, как работает миномет. Пытаясь отдышаться, они в основном жестикулировали и говорили очень мало. Военная служба – довольно молчаливая работа.

В один из следующих дней мне довелось наблюдать за огневой подготовкой. В полевых условиях упражнение в стрельбе из винтовки заключалось в том, чтобы держать оружие в раз-

ных положениях, а потом лечь на живот, широко расставить для равновесия ноги, поднять винтовку на локтях, прицелиться и выстрелить в цель. Я не могла разглядеть, попал ли в нее кто-нибудь. Рядовые встали, вернулись к исходным точкам, и все началось сначала. Они повторяли это в течение нескольких часов. Повторения предназначались для того, чтобы достичь автоматизма серии движений, которые, кажется, невозможно выполнить, когда сердце колотится, а руки дрожат от усталости или волнения, и все это время тело распластано на земле в положении максимального равновесия.

ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ

Призывной пункт в Кибите – один из пятидесяти по всей Японии, где, по рассказам, работает около тысячи военнослужащих. Он маленький и едва заметен снаружи; интерьеры забиты брошюрами и записями о вербовке. Я посетила более десятка таких офисов, как правило расположенных в труднодоступных уголках безликих зданий неподалеку от главного железнодорожного вокзала города или крупной станции метро. Двумя основными задачами этих офисов являются набор нового персонала для Сил самообороны и знакомство выходящих в отставку военнослужащих с предприятиями региона.

Главных пути сюда четыре. Студенты школ в системе Сил самообороны, исключительно мужчины, обычно поступают на военную службу по причине тяжелой социально-экономической ситуации дома. Большинство из них начинает карьеру в вооруженных силах в качестве рядовых – отчасти потому, что образования для того, чтобы сдать вступительные экзамены в НАС или другие университеты, хватает лишь немногим из них. Кадеты НАС и НВМАС становятся элитными офицерами Сил самообороны²³. Выпускники других университетов также поступают в офицеры после завершения базовой подготовки. Солдаты срочной службы заключают контракты на два года, хотя многие остаются в Силах самообороны более чем на десять лет.

Призывной пункт в Кибите расположен совсем рядом с железнодорожной станцией, им руководит майор Тэрасаки Макото*, выпускник НАС, ему за сорок, и он местный житель. В регионе есть 11 средних школ, один университет и один двухгодичный колледж. Тэрасаки высказал мнение, что небольшое количество средних школ является главной причиной того, что мало кто из этого региона поступает в НАС.

В начале 1970-х годов один офицер, отвечавший за призыв, решил использовать для этого прямую почтовую рассылку и расклеил сотни вербовочных плакатов. За такую новаторскую стратегию набора молодежи он получил премию, а его опыт стали внедрять по всей стране [Sase 1980: 212]. Сегодня ситуация изменилась: Тэрасаки и подобные ему офицеры, вооруженные горами пёстрых глянцевого брошюр, листовок и гаджетов Сил самообороны, посещают школы, чтобы поговорить с учащимися о вступлении в Силы самообороны. Однако многие школы вообще не пускают их на свою территорию. Майор Тэрасаки отметил, что, даже если удастся найти сочувствующего директора школы, вербовщикам приходится появляться в ней в штатском, а не в военной форме, чтобы «оставаться как можно незаметнее и не привлекать к себе внимания». В сельской местности и небольших городах сотрудники призывных пунктов предпочитают рассылать материалы непосредственно семьям, в которых, как им известно, есть сын, скоро заканчивающий среднюю школу [Shimoyachi 2003]. Несмотря на усилия по вербовке, занятым призывом офицерам не удается быстро получать новые звания, а набор выпускников средних школ, ориентированных на карьеру сержантов, стал особенно проблематичным из-за низкого уровня рождаемости и уменьшения числа молодежи, не поступающей в колледж или университет [Bōeichō 2001b: 250; Oka 1998: 127–129].

Призывные пункты также занимаются распространением на местах рекламных плакатов и других материалов, подготовленных отделами по связям с общественностью; они же про-

²³ После окончания НАС кадеты могут выбрать гражданскую службу или продолжить обучение в качестве кандидатов в офицеры и вступить в ряды Сил самообороны. Хотя получить данные о карьере офицеров трудно, понятно, что в НАС есть значительный процент отсева; количество выпускников Академии, которые не вступают в Силы самообороны, также значительно варьировалось. Так, в 1980 году в НАС было принято 552 из 8949 подавших заявления. Из этих учащихся 451 получили диплом в 1984 году, но только 431 продолжили военную карьеру. В 1985 году показатель отсева составил 15,5 %; в 1990 году – 23 %; а в 1992 – 16,5 % [Bōei kenkyūkai 1996: 229]. Только 27, или 69 % из первых 39 женщин, поступивших в НАС в 1992 году, закончили Академию [Bōei Kenkyūkai 1996: 228]. В отличие от выпускников НАС выпускники НВМАС, прежде чем они смогут перейти в гражданские медицинские центры, должны проработать военными врачами в течение шести лет.

водят первоначальный отбор кандидатов, который состоит из беседы о мотивах вступления в вооруженные силы, сбора сведений о семейном положении и образовании потенциального рекрута, а также о том, как он или она представляет свое будущее в Силах самообороны. Эта беседа является для офицеров по набору персонала первой возможностью рассказать о том, что Силы самообороны дают шанс без дополнительных затрат приобрести профессиональные навыки и сертификаты, такие как права на вождение крупногабаритных транспортных средств или технические знания, которые могут быть полезны за пределами вооруженных сил. После собеседования кандидаты сдают формальный письменный экзамен по нескольким предметам из программы средней школы, включая японский язык, математику и эссе по выбранному кандидатом предмету. Успешно сдавшие экзамен проходят еще одно, более серьезное собеседование, на котором офицеры-вербовщики пытаются больше узнать о мотивации и личности кандидата. Завершает процесс медицинское обследование; основными критериями являются хорошее здоровье, рост не меньше 155 см для мужчин и 150 см – для женщин, а также вес, не отклоняющийся от нормы более чем на 20 кг.

Стратегии вербовки за несколько десятилетий значительно изменились, а за последние 15 лет подбор рекрутов упростился по причине рецессии, а также, возможно, из-за некоторого улучшения имиджа Сил самообороны. Однако служба в Силах самообороны остается одной из наименее желанных профессий и зачастую не имеет перспектив для офицера, карьера которого по тем или иным причинам зашла в тупик. Тэрасаки с некоторой долей ужаса вспоминал истории о методах найма и затраченных на него усилиях, которые слышал от старых военных. В 1950-х и 1960-х годах быть вербовщиком было наиболее сложно. «Карьера человека измерялась тем, сколько голов он смог завербовать, а в то время набрать рекрутов было невероятно трудно. Для многих это была безвыходная ситуация» (см. также [Sase 1980: 205]). Перед нефтяным кризисом 1997 года у Сил самообороны были самые большие сложности с набором персонала. Офицерам-вербовщикам было фактически приказано записывать на службу всех, кого они смогут найти, без учета способностей или подготовки. В 1970-х офицеры так отчаянно стремились увеличить свои показатели, что прибегали к такому приему, как разговоры с молодыми людьми на улице [Sase 1980: 206–210]. Один ветеран вспоминал, как занимался поиском рекрутов в то время. Родившись в маленьком городке на Кюсю, он отправился в Токио, чтобы поступить в профессиональную школу. Он готовился к вступительным экзаменам и нашел работу, чтобы выжить в столице. Однажды, когда он сидел на скамейке в парке Уэно и смотрел на прохожих, его окликнул незнакомец: «Привет, ты хорошо сложен. Учишься в университете?» Парень ответил, что он всего лишь ученик вечерней школы. Вопросы незнакомца показались ему немного странным, но сам мужчина выглядел спокойным и искренним, когда говорил: «На самом деле, для тебя найдется хорошая работа. Может, пойдем в кафе и все обсудим?» Как оказалось, они были родом из одного и того же города на Кюсю, молодой человек испытывал доверие к собеседнику, и они пошли в кафе. Там незнакомец представился вербовщиком Сил самообороны. Молодого человека привлекала возможность поступить в колледж, работая в Силах самообороны. В тот же день он подал заявление, сдал экзамен и 1 июня 1970 года поступил на службу в вооруженные силы [Nezu 1995: 8–9].

Вербовка на Окинаве, похоже, всегда была значительно сложнее, чем где-либо еще в Японии. Один из служивших там офицеров по набору рекрутов признался, что экономический спад стал для Сил самообороны благом. Когда сержанта Идзуми Кенити перевели на Окинаву, он был готов к тяжелой работе: ведь четверть из 53 городских муниципалитетов там отказывались поддерживать набор в Силы самообороны, несмотря на законы, которые якобы вынуждали местные органы власти делать это. Неплохо зная историю Окинавы, Идзуми понимал причины того, что Силы самообороны не пользовались расположением жителей этого острова. Но после того, как экономический пузырь 1980-х годов лопнул, количество кандидатов быстро возросло, и к 1996 году Идзуми и другие вербовщики имели дело с утроившимся по сравнению

с 1991 годом потоком рекрутов. Когда-то они принимали каждого второго кандидата, сообщил он, но теперь – только одного из трех претендентов. Это представляет собой значительный сдвиг по сравнению с 1970-ми годами, когда демонстранты на Окинаве выкрикивали лозунги вроде: «Силы самообороны, отправляйтесь домой!» или «Японские военные, не возвращайтесь на Окинаву!» [Ishikawa 1995a: 236–238].

Такие успехи в вербовке, однако, скрывают демографическую ситуацию, которая начала затрагивать всю Японию и на Окинаве может оказаться особенно драматичной. Резерв рекрутов начал резко сокращаться [Ока 1998: 127–129]. В 1990-х годах на этом острове насчитывалось примерно два миллиона восемнадцатилетних мужчин и женщин. Более половины (1,2 млн) этих молодых людей поступили в профессиональные средние школы или колледжи, и, таким образом, их больше не привлекала карьера рядового в Силах самообороны.

По словам Тэрасаки, сегодня молодежь не проявляет агрессии, отказываясь от военной службы, как это бывало в былые годы, – у нее просто отсутствует заинтересованность; по мнению Тэрасаки, причины этого коренятся в «отсутствии чувства цели» (*мокутэки исики ганни*). Однако его оценка местной молодежи была доброжелательной. Он не забыл, что тоже оказался в НАС, а затем в Силах самообороны в связи с рядом случайных обстоятельств, включая проваленный вступительный экзамен в университет. В то время у него тоже не было ясной цели, понимания своей миссии или интереса к национальной обороне. Его путь был типичным для многих офицеров, которым сейчас за сорок и за пятьдесят. Очень немногие из них после окончания школы считали НАС своим приоритетом. Большинство из них провалили вступительный экзамен в более престижные учебные заведения. Среди причин поступления в НАС и прихода в Силы самообороны были отцы-военнослужащие, сложное социально-экономическое положение семьи, потребность или желание стать независимым от родительской поддержки, надежда на то, что НАС изменит их жизнь к лучшему, и, конечно, перспектива получить бесплатное университетское образование с возможностью вернуться потом к гражданской жизни. НАС предлагала реальные преимущества. Как и старшие офицеры Сил самообороны, первокурсники НАС, объясняя, как они оказались в Академии, называли те же причины.

Учитывая крайне тяжелую ситуацию с вербовкой в его районе, Тэрасаки понимал, что не может придирается к молодым людям, которые согласны вступить в Силы самообороны, но он ценил энтузиазм больше, чем образование и интеллект. Он обнаружил, что возможность использовать на службе свою «настоящую (физическую) силу» (*дзицурёку-сюги*) была самой сильной мотивацией для молодых людей этого региона, выбравших Силы самообороны, и намекнул, что эти юноши едва ли будут разочарованы. Почти все кандидаты в его регионе были мужчинами, и мне было очень трудно добиться от него сведений о девушках: он рассказывал о них только после моих настойчивых распросов. «Из женщин, принятых в Силы самообороны в этом регионе, – сказал он, – от 80 до 90 процентов увольняются, когда у них появляются дети». Доброжелательное и покровительственное отношение, разделяемое многими мужчинами его поколения и встречающееся во всех организациях, удерживает многих женщин от карьерных устремлений. Тем не менее Тэрасаки видел в таком выборе девушек результаты естественного процесса, а не организационную или экономическую проблему для Сил самообороны.

ЗАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Во время интервью военнослужащие не решались говорить о наследии Императорской армии. Однако в Кибите и на многих других базах прилагали огромные усилия, чтобы сохранить и показать прошлое местного полка в музеях. Музей базы Кибита открылся в 1960-е годы. Роль Зала документов, или, как его еще называют, Зала исторических материалов, заключается в сборе и сохранении артефактов с целью представить историю Сил самообороны и их предшественников в простой манере и с опорой на факты²⁴. Экспонаты были собраны при большой помощи со стороны местных групп поддержки, в том числе отделений Ассоциации молодежи (*Сэйнэнкай*), Ассоциации родителей (*Фукэйкай*), Ассоциации ветеранов (*Тайюкай*), Ассоциации общей обороны (*Иппан Бэйи Киёкай*) и Ассоциации семей погибших, которые работали под руководством местного отдела Сил самообороны по связям с общественностью. Все эти организации имеют свои собственные связи с базами по всей Японии и образуют сеть поддержки, которая выстраивает контакты военнослужащих с гражданским населением. Для создания музея на базе Кибита местные группы поддержки разослали письма своим членам и ветеранам Императорской армии в регионе и получили основную часть экспонатов именно от них. Таким образом, в зависимости от локальной ситуации музей представляет историю с особой, местной точки зрения; при этом упоминания и изображения Императорской армии, не касающиеся местной военной части, встречаются редко.

Один из подчиненных Оно, готовившийся к отставке штаб-сержант Симода Хиромаса*, отвечающий за экскурсии по музею, с энтузиазмом взялся показать мне то, что он явно считал своим музеем. Обычно этот приветливый человек с мягкими интонациями сопровождал по двум залам экспозиции ветеранов, а в редких случаях – местных школьников. Но основной его аудиторией были новобранцы, проходившие подготовку на базе и, по мнению Симоды, понятия не имевшие об Императорской армии, так как в школах этому не учат. На самом деле история военной части началась не в 1951 году, когда Резерв национальной полиции был переименован в Силы самообороны, – корни ее уходят гораздо глубже, о чем свидетельствует история самого здания, в котором располагался музей, и Симода говорил об этом с особой гордостью. Здание претерпело замечательную метаморфозу, сходную с той, что происходила и с многочисленными музеями на других базах Японии. Первоначально там размещался штаб пехотного полка Императорской армии. Когда в 1870-х годах Императорская армия была сформирована, объяснил Симода, местное население было очень бедным, и многие хотели туда вступить, потому что это сулило им лучшую, чем в нищих деревнях, жизнь (как и в других частях Японии, старшие сыновья обычно освобождались от призыва в армию). Основными критериями для приема на военную службу были, как и в настоящее время в Силах самообороны, хорошее общее состояние здоровья и рост не менее 155 см. В 1898 году был сформирован новый местный пехотный полк, и его штаб переехал в здание, где теперь находится музей. Он оставался там до конца Азиатско-Тихоокеанской войны в 1945-м. По словам Симоды, солдаты местного полка «были мобилизованы во время Русско-японской войны (1904–1905), Маньчжурского инцидента (1931), Китайского инцидента (1937) и направлялись на Филиппины во время Азиатско-Тихоокеанской войны. Во время этих войн погибло почти 20 000 солдат с этой базы».

После окончания Азиатско-Тихоокеанской войны здание продолжало использоваться в качестве штаба, но на этот раз местным подразделением союзных оккупационных войск. После того как Императорская армия была расформирована, а территорию базы в начале 1950-х годов заняли Силы самообороны, им «вернули» здание. Таким образом, с гордостью подчер-

²⁴ Японское понятие «*сириё*», записанное китайскими иероглифами, означающими «ресурсы», может использоваться в значении «исторические материалы».

кивал Симода, его полк Сил самообороны имеет более чем пятидесятилетнюю историю, тогда как многие другие базы были основаны лет на двадцать позже. С момента постройки одноэтажное кирпичное здание несколько раз реставрировалось. Поднявшись на несколько ступенек, я увидела, что узкий коридор делит помещение на две комнаты одинакового размера. Дверь справа вела в зал «История бывшей армии» (*Кюугун-си*). Дверь слева вела в зал, предназначенный для артефактов, которые призваны документировать историю Сил самообороны. У входа в этот зал стоит трехфутовый Хотэй-сама, одно из семи божеств удачи, символизирующее добродетель, заключающуюся в том, чтобы «довольствоваться тем, что имеешь, и прилагать усилия, чтобы добиться большего» – скромное и вполне гражданское послание, решительно оторванное от общепринятых представлений о героизме, патриотизме и милитаризме, которые я ожидала найти.

На нескольких недатированных гравюрах на дереве изображено решающее сражение, происходившее более 400 лет назад – событие, положившее начало военной истории Японии в этом регионе. На старом флаге, как объяснил мне Симода, было восемь лучей, которые обозначали собой хризантему – символ императорского двора. Первоначально флаг использовался для самых разных случаев; теперь он используется только в МССЯ, за исключением местных праздников, когда полк СССЯ базы Кибита несет его в качестве полкового знамени (*рэн-тайки*). Симода признался, что часто думает об императоре и всегда вспоминает его в молитвах о защите страны. Он представлял себе императора как некий общественный институт, «который существовал долгое время и останется, когда [отдельный император] умрет». Мысль о преемственности императорского двора, как бы утешительна она ни была, в рассказе Симоды предполагала и одновременное отрицание какой бы то ни было военной ответственности императора. По мнению штаб-сержанта, император «как символ Японии формально был главнокомандующим императорской армией, но в действительности не имел никакой власти». Цветная фотография императора и императрицы Мэйдзи висела рядом с объявлением о начале Китайско-японской войны. Цветная фотография императора Сёва украшала копию Императорского рескрипта для солдат и матросов. Среди экспонатов в узких стеклянных витринах находились медали, нашивки, обозначающие воинские звания, документы о призыве, письма солдат женам и семьям, мундиры и сапоги. Предметы не были датированы, и Симода сам решал, как о них рассказывать: что это и какое значение имеет.

Симода не питал иллюзий по поводу отношения новобранцев к музею и его лекции. Он был уверен, что молодых солдат «совсем не волнует Зал исторических материалов или что [у меня есть] рассказать о нем», но он, как любитель истории, считал своим долгом научить их «необходимости защищать свою семью, друзей, местное сообщество и страну (*кун*)». Эти понятия были для него тесно связаны, но он заметил, что они «кажутся выпрорванными большинству молодых мужчин и женщин, которые в наши дни присоединяются к Силам самообороны». Попытка Симоды преодолеть разрыв между ментальностью новобранцев и их будущей профессиональной идеологией людей, призванных стать защитниками Японии, перекликалась с первым официальным заявлением о предназначении послевоенных вооруженных сил, якобы сделанным в марте 1951 года Хаяси Кэйдзё, первым командующим СССЯ. Хаяси верил, что новые вооруженные силы будут движимы «любовью к родителям, братьям и сестрам нашей крови, к нашим женам и детям, к японскому народу и стране» [Vöei Kenkyūkai 1996: 49]²⁵.

²⁵ Хаяси был первым командующим штаба СССЯ. Сын генерал-лейтенанта Императорской армии, он возглавил Резерв национальной полиции, а затем, после 1954 года, штаб СССЯ. Он продолжал служить на руководящих должностях в штабе Сил самообороны в течение 14 лет и имел значительное влияние во время их формирования в 1950-х и начале 1960-х годов. Принадлежность Хаяси и его преемников на посту командующего к различным частям Императорской армии иногда вызывала критику и общественное недовольство. В 1984 году Накамура Морио стал последним командующим штаба СССЯ, посещавшим Академию Императорской армии. Кроме командующих 1986–1990 годов, которые были выпускниками университетов Риккё и Тохоку, остальные преемники Накамуры окончили НАС.

Симода сопровождал свои объяснения еще одной официально санкционированной установкой: «Силы самообороны не являются военной силой». Я слышала этот лозунг бесчисленное количество раз, его повторяли как мантру представители разных чинов, возрастных групп и полов. Для некоторых военнослужащих это было предметом гордости. Для других – главным препятствием на пути к истинному профессионализму. Однако Симода при этом подчеркивал, что между сегодняшними Силами самообороны и Императорской армией есть существенная разница. По его словам, в Императорской армии с солдатами обращались так плохо, что во время сражений они стреляли в спину своим командирам. В СССР, особенно в пехоте (он использовал как название Императорской армии «*хохэй*», так и термин для Сил самообороны «*фуцукэ*»), хорошие межличностные отношения считались важнейшим компонентом правильно функционирующего подразделения. Его комментарий соответствовал многочисленным попыткам признать негативные стороны ЯА, чтобы отделить ее от Сил самообороны.

В зале, посвященном истории Сил самообороны, я увидела на доске автомат, несколько последних вариантов униформы и материалы по связям с общественностью – все это выставлено без четкого порядка или объяснений, что наводит на мысль об отсутствии ясного представления о том, как вообще должна документироваться история Сил самообороны. В отдельных стеклянных витринах выставлены портретные фотографии женщин среднего и старшего возраста (с указанием их имен) под общим заголовком «Почетные матери» (*Мадза но катагата*). Во время Азиатско-Тихоокеанской войны эти женщины были членами местного отделения Патриотической женской ассоциации (*Айкоку Фудзинкай*)²⁶ – так почему же их фотографии находились здесь, а не в зале, посвященном ЯА? Как ни странно, экспонаты, связанные с женщинами довоенного и военного времени, занимали в зале Сил самообороны около трети выставочной площади. Я предположила, что для этих женских портретов не хватило места в первом зале, но это усилило впечатление, что создатели музея не вполне уверены в том, как и что следует рассказывать о Силах самообороны. Поразительно, но в этом зале не было фотографий командиров, военнослужащих, их миссий, поэтому история Сил самообороны оставалась безликой и трудноуловимой.

Наследие Императорской армии и сложность создания истории Сил самообороны – это проблемы, которые существуют и вне стен музея. В последний день моего пребывания на базе Тама и сержант первого класса Уэда Таро* взяли меня на обзорную экскурсию, которая превратилась в путешествие в военное прошлое Японии. Нашей первой остановкой был небольшой синтоистский храм. Закончив беседу с группой туристов, к нам присоединился местный священник. «Новобранцы местной военно-морской базы каждый год посещают нашу святыню, – объяснил он, – а новобранцы сухопутных сил – нет». Позже Тама объяснила, что посещение святыни новобранцами зависит от «личности командира», а не от разницы взглядов военно-морского флота и армии на синтоизм, в период военного режима служивший в Японии государственной религией (все другие религии тогда последовательно подавлялись). Наследие Императорской армии как угнетателя простого японского народа, виновника военных преступлений и прежде всего воплощения побежденной силы всегда влияло на СССР, которые в большей мере, чем МССЯ и ВВСС, избегают ассоциаций с военным периодом, идет ли речь об ЯА или объектах той государственной религии. Помимо предпочтений отдельных коман-

²⁶ Патриотическая женская ассоциация была создана в 1901 году Окумурой Йоко под эгидой Министерства внутренних дел, а затем Министерства здравоохранения и социального обеспечения. В 1932 году под контролем министерств армии и ВМФ была создана Ассоциация женщин по национальной обороне Великой Японии (*Дай Ниппон Кокубё Фудзинкай*). В 1942 году три крупнейшие женские организации, в том числе Ассоциация женщин по национальной обороне Великой Японии, объединились в Ассоциацию женщин Великой Японии (*Дай Ниппон Фудзинкай*); перед этой новой организацией ставилась задача пропагандировать важность национальной обороны, очищения семейной жизни, укрепления дисциплины молодежи, а также поощрения и подготовки солдат для национальной обороны [Garon 1997].

диров, решение командования МССЯ посещать храм также можно рассматривать как отражение разной роли, которую играли во время войны различные части войск Японии. Тама упоминала такую возможность, ссылаясь на слова брата, который служил в МССЯ: «МССЯ сохраняет свои традиции, а СССЯ – нет». Образ армии он определял как «темный» (*курай*). «Темный» – слово, которое часто используется для описания японского военного опыта; имеется в виду не только затемнение комнат во время воздушных налетов, но и, что более важно, негативное время, омраченное бессмысленными трудностями, – как во фразе «темные тучи войны» [Buchholz 2003: 298]. Тама высказала мнение, что между сухопутными и морскими частями существует определенное соперничество и, вероятно, поэтому СССЯ часто проводили совместные маневры с ВВСС, но практически никогда – с МССЯ.

Покинув храм, мы пересекли воспроизводящий стиль Эдо бетонный мост – одну из многих неуклюжих попыток придать городу традиционный колорит и сформировать у жителей «чувство общности» (*мати-* и *urusato-цукуру*). Возле крошечного пункта проката велосипедов мы сели на скамейку и выпили газированной воды. Не обращая внимания ни на Таму, ни на меня, старик из пункта проката велосипедов подошел к Уэде и спросил его, служит ли он в армии. Потом старик объяснил, что его часть дислоцировалась на Окинаве во время Азиатско-Тихоокеанской войны и все из его подразделения были убиты – выжил он один. Старик неоднократно повторял «есть только одна нация» (*коку-тай ва хитоцу сика най*). Уэда неопределенно кивал, но ничего не отвечал. Тама, глядя на него, ухмыльнулась, а потом состроила мне рожицу, показывая, что не поддерживает слова старика. Уэда поднял брови, взглянув на нее, как бы говоря: «Что?!» Но Тама лишь снова улыбнулась ему. Затем Уэда докурил, и, покончив с неприятным инцидентом, мы вернулись на базу, где еще раз прошли мимо музея.

ПОЧЕТНОЕ ПРОЩАНИЕ

Вечером накануне моего отъезда было организовано прощальное барбекю. Место выбрали в тихом уголке базы, расставив полукругом столы для пикника и деревянные скамейки. На столах установили печи *сукияки*, а военнослужащие подавали пиво. Появление командира Като было тщательно рассчитано так, чтобы он прибыл последним. Я сидела рядом с командиром за столиком на шесть человек. Всего было около восемнадцати военнослужащих, включая командира, адъютанта, нескольких офицеров и сержантов, за работой которых я наблюдала и которых опрашивала в полевых условиях в течение недели. Присутствовали четыре представителя местной ассоциации молодежи, среди них одна женщина – в тот же день ранее я беседовала с ними об отношениях ассоциации и Сил самообороны и их сотрудничестве с базами. В качестве «местных сторонников Сил самообороны» мне представили синтоистского священника и ветерана, ныне владельца небольшого бизнеса по соседству. Майор Оно выступал распорядителем. Сначала были тосты. За ними последовали индивидуальные представления. Каждый военнослужащий сообщал свое звание и имя, место рождения, название воинской части, где он служил ранее, воинскую специальность, увлечения, семейное положение и количество детей. Вся эта информация перечислялась очень быстро и деловито, все явно были привычны к такой форме презентации. После первых нескольких представлений только командир и я продолжали слушать и аплодировать; все остальные весело разговаривали друг с другом и готовили еду на огне. Только когда командир Като наконец встал, чтобы заговорить, все собравшиеся снова замолчали, целиком сосредоточившись на нем. Явно образованный человек, он начал говорить в народном стиле, призванном произвести нужное впечатление и подчеркнуть его близость к подчиненным, а также преодолеть различия в рангах в присутствии посторонних гражданских лиц, в том числе меня. Кроме того, он продемонстрировал навыки командира и одновременно светского человека.

Уроженец Токио, командир Като жил отдельно от своей семьи, которая осталась в городе. Дочь Като уже училась в колледже, и его жене нравилось быть рядом с ней в столице. И, добавил он, улыбаясь, ей неинтересно переезжать в деревню, где она никого не знает и в любом случае не сможет часто его видеть. Командир Като был кадровым офицером, и оказалось, что за шесть лет полевой работы его трижды переводили: с канцелярской должности в старом МОЯ в Роппонги, затем на нынешний пост, а потом обратно в МОЯ, которое за время его отсутствия переехало в Итигая. Он старался встречаться с семьей каждые третьи выходные. Хотя это не всегда было возможно, ему повезло больше, чем многим военнослужащим в Силах самообороны. Многие офицеры и рядовые живут отдельно от жен и других родных из-за крайней сложности переезда семьи раз в два-три года в связи с переводом на новое место службы. Пока дети маленькие, переезжать проще, но большинство родителей не хотят неоднократно забирать детей с места на место, когда они переходят в среднюю школу, опасаясь, что переезды повлияют на их успеваемость и снизят шансы поступить в хорошую старшую школу и университет. Те, кто оставляет семьи в отдаленных сельских районах Сикоку, Кюсю или Хоккайдо, обычно видят их только три или четыре раза в год, встречаясь лишь на несколько дней.

Като представил меня, упомянув разговор, который у нас с ним состоялся при нашей первой встрече неделю тому назад. Он спросил меня, предпочитаю ли я говорить по-английски или по-японски. Я ответила, что предпочла бы говорить по-японски, учитывая, что английский не является родным для обоих из нас. Он сказал, что мои слова произвели на него сильное впечатление. Остальные мужчины что-то одобрительно пробормотали. Я воспользовалась шансом выразить свою признательность. Потом было выступление пяти военнослужащих, сыгравших

на барабанах в стиле тайко²⁷. Через два часа вечеринка подходила к концу. Внезапно посреди площадки для барбекю появился президент молодежной ассоциации. Все встали и повернулись к нему. Он вскинул руки, три раза выкрикнул: «Банзай!» – и его троекратно поддержали тем же криком остальные. Компания быстро разошлась. На выходе один из обучающих новобранцев сержантов дал мне свою визитку и попросил прислать мои публикации о Силах самообороны, так как был уверен, что «люди говорят [мне] не то, что рассказывали [вам]».

Командир и еще несколько человек, включая майоров Оно и Тэрасаки, пригласили меня на ужин за пределами базы – это было почти неперемное в Японии «второе собрание» или *уи/ифини*. Ко второму ужину командир переоделся в темный костюм и галстук. Другие мужчины выбрали повседневные брюки и рубашки с короткими рукавами. В общественных местах вне базы военнослужащих редко можно увидеть в форме, поэтому такая смена одежды неудивительна: для них это одна из многих привычек, способствующих тому, чтобы сливаться с гражданским обществом. Военнослужащие, с которыми я обедала или выпивала вне базы, всегда были в штатском.

Взятый напрокат автобус отвёз нас в близлежащие холмы, где мы поужинали в оформленном в японском стиле номере отеля с великолепным видом на долину. Хозяина гостиницы представили мне как еще одного сторонника Сил самообороны. С учетом того, что в пятницу вечером мы оказались единственными гостями, мне стало любопытно, не был ли этот жест поддержки взаимным. Хозяин отеля провел нас по крутой лестнице наверх. Сидя на подушках на полу, устланном соломенными циновками, мы довольно плотно поели: сначала подали суши, потом ряд других блюд вместе с пивом и рисовым вином. Я сидела напротив командира за длинным узким столом. Като воспользовался этим случаем, чтобы поднять самооценку своих подчиненных, охарактеризовав их как «людей, которые обеспечивают работу всей базы, [в то время как] командиры приходят и уходят и полностью зависят от их поддержки». Слева от меня сильно выпивший майор Тэрасаки все более настойчиво делал мне романтические предложения, на которые я старалась отвечать отрицательно, но предельно любезно. Все остальные просто игнорировали его, хотя я чувствовала, что сидевший в дальнем конце стола Оно не одобряет его поведение.

В конце концов разговор перешел к вопросам безопасности и позиции Японии на мировой арене. Как и многие другие имеющие международный опыт офицеры, в отношении военной стратегии Японии дома и за границей командир Като ориентировался на американскую политику безопасности: «Американское внимание к политике безопасности сместилось с Европы и России на Азию, особенно на Китай и Северную Корею. Обе эти страны являются в будущем потенциальными угрозами для Японии». Китай, по словам Като, обучал офицеров и рядовых, но не обучал сержантов, что делало китайские вооруженные силы недееспособными. Однако он не был уверен, что в течение следующих десяти лет эта практика не изменится, и предполагал, что улучшение дипломатических отношений с Китаем предпочтительнее перевооружения, но позже критиковал японское правительство за предоставление Китаю слишком большой экономической помощи²⁸. Като уверял, что из-за личных качеств Ким Чен Ира Северная Корея совершенно непредсказуема, что южнокорейцы гораздо патристичнее японцев; он объяснил эту разницу существующей там системой призыва. Остальные мужчины в основном молчали или выражали согласие, и я поняла, что, хотя вопросы задавала

²⁷ Наиболее известному сегодня стилю тайко не более 50 лет, но этот инструмент использовался различными общественными институтами для самых разных целей. Первое известное использование барабанов тайко было на поле боя: барабаны применяли для устрашения врага, для подачи команд, в том числе призыва о помощи к своим силам, и для координации движений. Мощный звук барабанов тайко далеко разносился, перекрывая шум боя. См.: Rolling Thunder: The Taikō Source. URL: www.taiko.com (в настоящий момент ресурс недоступен).

²⁸ Вопреки утверждению Като, в 2004 году Япония сократила экономическую помощь Китаю до 100 млрд иен, что было существенным изменением после пика в 214,3 млрд иен в 2000-м (см. URL: www.people.com.cn/english (в настоящий момент ресурс недоступен)).

только я, речь командира была адресована им не меньше, чем мне. Неудивительно, что в связи с продолжающейся дискуссией о конституционной реформе Като заявил, что убежден в необходимости пересмотреть Статью 9. В последние годы Силы самообороны незаметно изменили свою позицию и стали утверждать, что Статья 9 является слишком расплывчатый и непрактичной, она нуждается в пересмотре, потому что противоречит самому факту существования Сил самообороны. Это мнение разделяют представители всего политического спектра, хотя у них очень разные представления о том, как именно надо изменить спорную статью [Hook, McCormack 2001].

За ужином Като уверял нас, что все нынешние военнослужащие Сил самообороны «выросли в демократическом духе послевоенной Японии, и никто не хочет войны, только признания Сил самообороны вооруженными силами». Следовательно, все они, казалось, высоко оценили инициативу премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро всерьез обсудить пересмотр Статьи 9. По словам Като, «сейчас правовой статус Сил самообороны неясен и мы в основном действуем в серой зоне». Като поддерживал положения об обороне, которые включили в свою Конституцию немцы, он считал, что это было бы идеальным решением и для Японии; в целом он разделял идею «нормализации», которую продвигал в 1993 году Одзава Итиро. Наряду с порядками в Соединенных Штатах, воображение японских офицеров занимают Германия и ее законодательство, но это гораздо меньше заметно и проявляется, когда речь идет об историческом наследии и законодательстве²⁹. На предыдущей встрече с командиром Като и другими офицерами, а также много раз во время полевой работы я слышала, что «немецким военным повезло больше, чем японским Силам самообороны». В несколько искаженной форме идея германо-японского союза военного времени побуждала Като и ряд других офицеров сравнивать положение Сил самообороны Японии и германской армии, причем общий вывод был таков: Императорскую армию и Силы самообороны как ее продолжение обвиняли в развязывании Азиатско-Тихоокеанской войны. В Германии ответственность взяло на себя все население, а Силы самообороны остались с этим наследием наедине. Немецкие вооруженные силы полностью «выздоровели». Силы самообороны стали единственными вооруженными силами в мире, которые оказались недооцененными и попали в юридически неустойчивое положение, делая таким образом Японию уязвимой на международном уровне. Сегодня немецкие вооруженные силы, возможно, не пользуются большим уважением среди своего гражданского населения, но их правовой статус прочен и сравнительно понятен. Силы самообороны также находятся под чрезвычайно строгим гражданским контролем. Но некоторых их офицеров больше всего беспокоило то, что высшее военное руководство не имело опыта и мало что понимало в военных вопросах. Однако никто не говорил о том, что немецкое государство взяло на себя ответственность за действия нацистской Германии во время войны, а японское государство вернулось к двусмысленной позиции в отношении роли в войне Японии³⁰. Никто из моих собеседников не упоминал вызвавшие большую волну реформ широкие дебаты по поводу германских вооруженных сил в 1970-х и 1980-х годах [Abenheim 1988; Kühne 2000; Frevert 2001].

²⁹ Глава 2, Статья 26 и глава 10 *Grundgesetz* (Конституции Германии) регулируют позицию Германии в отношении ведения войны и обороны: Статья 26:1. Действия, направленные и предпринимаемые с намерением нарушить мирные отношения между народами, особенно с целью подготовки к агрессивной войне, являются неконституционными. Они должны быть признаны наказуемым преступлением. Оружие, предназначенное для ведения войны, может производиться, перевозиться или продаваться только с разрешения Федерального правительства. Более подробно см. на сайте URL: www.iuscomp.org/gla/statutes/GG.htm (дата обращения: 09.09.2022).

³⁰ В 1995 году премьер-министр Мураяма Томиити произнес знаменитую речь, в которой извинился, сказав: «Своим колониальным господством и агрессией [Япония] причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран. Я еще раз выражаю чувство глубокого раскаяния и приношу искренние извинения». Однако несколько государственных чиновников, в том числе премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро, неоднократно смягчали или даже опровергали это утверждение [McCormack 2005].

Като намекнул на необходимость более критической позиции японского правительства в отношении ответственности Японии за войну, но затем указал, что «в японских учебниках тайваньцы никогда не жаловались на отношение к ним – это только корейцы делали», предполагая, что оценки корейцев могут быть необоснованными. Но в этот момент вмешались другие участники ужина, как будто командир наконец сказал что-то, с чем они могли согласиться и вообще высказать свое мнение. На вопрос о причинах такой разницы Като ответил, что во время Азиатско-Тихоокеанской войны тайваньцы считали, что Императорская армия не так плоха, как китайская. Никто не упомянул о принудительном труде, сексуальном рабстве или военных преступлениях. Скорее, все собравшиеся за столом мужчины готовы были утверждать, что, поскольку обе упомянутые страны были колониями Японии, одна из них просто искажала правду и понапрасну критиковала поведение Императорской армии во время войны.

В итоге мы перешли к более приятной светской беседе. По возвращении на базу мы шумно и сердечно попрощались. На следующее утро я вернула одежду, обувь, фуражку и каску. Полковой флажок я оставила себе на память и унесла в сумке на вокзал. Майор Оно и президент молодежной ассоциации отвезли меня на местную железнодорожную станцию, и я как раз успела на ближайший поезд в город и вернулась к знакомой мне гражданской жизни.

Глава 2

Послевоенный поствоинский героизм

Предполагается, что мужчины несут ответственность за защиту новорожденных, женщин и престарелых матерей. Однако мужчины в Японии совершенно не способны выполнить эту миссию, потому что они не проходят военную подготовку.

Премьер-министр Хасимото Рютаро. «*Джэпан таймс интернэшнл*», 1999, 1–15 апреля. С. 17.

Миссия по оказанию помощи во время стихийных бедствий в Гондурасе прошла успешно, и мы получили много хороших отзывов в прессе. Но есть и обратная сторона такого успеха. Люди не должны забывать, что мы не кучка медсестер! Мы военные!

Подполковник Сайто Хироюки. *Декабрь 1998 г.*

Как офицеры становятся лидерами, если в наличии нет вооруженного конфликта, в котором они могли бы отличиться? Ромео Даллэр [Dallaire 2003: 30], командующий миссией ООН в Руанде, ответил на этот вопрос так: «Ты тренируешься и тренируешься, а потом тренируешь других». Я ставлю этот вопрос шире: что такое мирная карьера в Силах самообороны? Как японские военнослужащие трансформируют боевую подготовку, направленную на реализацию крайних форм организованного насилия и противодействие им, в спасательные действия в ситуациях, угрожающих жизни других людей? И как те мужчины, чья жизнь пронизана военными правилами, ценностями и интересами, отстаивают свою мужественность в рамках военной организации, которая готовит их к войне, ограничивая в то же время их опыт операциями, запрещающими насилие? Если их мужественность в качестве профессиональных солдат определяется действиями, которые они совершают, и тем, как они их выполняют, то как японские военнослужащие артикулируют эти действия, этот опыт, эти показатели своего профессионализма? В данной главе я рассматриваю тезис, что в Силах самообороны действует широкий спектр понятий о мужественности, очевидный внутри организационной структуры, в поступках, высказываниях персонала и в том, как представляют обществу военных материалы, подготовленные отделами по связям с общественностью.

В Японии и, возможно, где-то еще в отсутствие боевых действий роль битвы в процессе построения героизма принимают на себя невоенные операции, а риторика фронтового опыта и боя продолжает насыщать «военные рассказы» японских военнослужащих. Следующие заявления, сделанные в 2004 году тремя военнослужащими СССЯ в возрасте от 20 до 30 лет, остро отражают конфликт между воспринимаемой нормальностью военных и представлением о том, что смерть является ключевым компонентом военного героизма:

Что я об этом думаю? Я против этого. Вы когда-нибудь видели фотографии Ирака? Ужас.

Откровенно говоря, не было особых причин для развертывания в Ираке! Жалкая Япония, как покорная собака, плетется за Америкой и преклоняется перед ней. Ничего больше! Не то чтобы мне особенно нравится воевать, но я хотел бы поехать [в Ирак]. Почему-то я чувствую, что в ментальном состоянии, когда узы жизни соседствуют с узами смерти, должно быть что-то для открытия самого себя. Есть соблазн пойти добровольцем. Как солдат,

ты должен хоть один раз пережить битву. Ведь я не хочу быть игрушечным солдатиком!

С этим развертыванием связано много проблем, но лично я хотел бы, чтобы меня отправили в Ирак. Я могу умереть или заболеть... Я не хочу жить очень долго. Я чувствую так: все или ничего. Лучше вернуться домой целым и невредимым. Но даже если нет, мне было бы все равно.

[Konishi et al. 2004: 88–89]

Через несколько месяцев после того, как премьер-министр Хасимото Рютаро из консервативной Либерально-демократической партии увлекся и сделал комментарий, приведенный выше в эпиграфе к этой главе, подполковник Сайто Хироюки настаивал на том, чтобы навязать Силам самообороны предписанные Хасимото представления о милитаризованной мужественности. В то время Сайто отвечал за военное планирование всех СССЯ и только что возвратился в страну после первой международной миссии Сил самообороны по оказанию помощи при стихийных бедствиях. С его точки зрения, операция в Гондурасе была для СССЯ успешной, однако он отметил, что для новых таких миссий в дальних странах Силам самообороны потребуется больше женского персонала, особенно медсестер, потому что больные и раненые женщины, дети и пожилые люди чувствуют себя комфортнее, когда им помогают женщины. В целом Сайто был доволен доброжелательным тоном японских СМИ, особенно в районе Нагои, откуда было отправлено большинство членов гондурасской миссии. И все же он выразил недовольство тем, как Силы самообороны представили себя гражданскому обществу в Японии. По мнению Сайто, слишком много внимания уделялось гуманитарным миссиям и проектам по проведению общественных работ, и он был обеспокоен тем, что респектабельность, основанная на таком образе военных, не повысит их авторитет. Сообщения в СМИ и большая часть материалов Сил самообороны, подготовленных вербовщиками и специалистами по связям с общественностью, в равной степени искажают образ «военных и неточно отражают то, для чего военнослужащие обучаются и существуют прежде всего, а именно для защиты Японии». В главе 4 я исследую, как аппарат по связям с общественностью Сил самообороны создает свой имидж, используя популярную культуру. Пока достаточно отметить, что, хотя премьер-министр Хасимото объявил защиту женщин, детей и пожилых людей истинно мужской и требующей мужества задачей, подполковник Сайто считал, что вооруженные силы не должны оцениваться способностью их мужчин выполнять именно такие задания.

Возможно, замечание Хасимото о заботливых мужчинах и военной подготовке мог сделать любой государственный деятель, застигнутый врасплох фантазиями о перевооружении. Конечно, в любой конкретной операции ООН некоторые солдаты поймут опасения Сайто по поводу нетрадиционных военных ролей³¹. Однако, если рассматривать их вместе, заявления о связи между полом и армией выдвигают на первый план многогранность конструкций «милитаризованной мужественности». На первый взгляд политик Хасимото и военный Сайто просто упомянули об эссенциалистских отношениях между мужественностью и армией и определили вопросы обороны мужской и требующей мужества деятельностью. Оба мужчины утверждали, что мужественность, которую должны олицетворять военнослужащие Сил самообороны, отличается от других типов мужественности и требует мужчин особого типа. И в полном соответствии с предположением Джудит Батлер [Butler 1995: 24] о том, что гендер – это не предрасположенность, а достижение, оба мужчины провозгласили милитаризованную маскулинность тем, чему обучают и что практикуют и обретают в Силах самообороны. Военные ведомства во

³¹ Глубокий анализ миротворческих и других гуманитарных миссий с участием вооруженных сил США и других военных организаций см. [International Peace Academy 1992; Harrison, Nishihara 1995; Miller, Moskos 1995; Morrison, Kiras 1996; Dobson 2003].

всем мире тратят много энергии на создание иллюзии того, что военные задачи являются мужскими и маскулинными по своей сути. Следовательно, даже если милитаризованный гендер «предполагается в качестве одного из идеалов, которые никогда полностью никем не осваиваются», по формулировке Батлер само действие милитаризованного гендера как раз и есть то, «что задним числом создает иллюзию, что существовало внутреннее гендерное ядро» [Butler 1995: 32]. В армии больше, чем где бы то ни было, санкционированная мужественность выставлена напоказ, ее смысл постоянно разъясняют, ее цели часто повторяют. Пожалуй, никакая другая организация не вдалбливает своим членам так энергично, какими они должны быть. Следовательно, если гендер, как предполагает Батлер, всегда лишь имитируется, военных можно считать одним из самых очевидных центров подобных имитаций.

Утверждение Синтии Энло [Enloe 2000], что военные манипуляции делают акцент на мужественности, манипулируя при этом смыслом понятий как мужественности, так и женственности, можно применить и к Силам самообороны Японии. Однако в противоположность идее о том, что мужественность зависит в первую очередь от другого, сконструированного как женственность [Goldstein 2001: 251], я исходила из того, что мужчины в Силах самообороны оценивают свою мужественность в первую очередь по сравнению с другими мужчинами, а не по сравнению с женщинами. Таким образом, чувство общности и товарищества мужчин в Силах самообороны коренится не только в маргинализации женщин. Скорее, организационная идентичность Сил самообороны и милитаризованная мужественность военных продиктованы прошлым и настоящим милитаризмом и формировались до недавнего времени почти гегемонистской позицией «служащего» или «белого воротничка» как идеального представителя японской мужественности, что было следствием традиций Императорской армии и присутствия десятков тысяч американских солдат, дислоцированных на японской территории. Для Сил самообороны в современной Японии, а также для отдельных военных большое значение имеют гендерные фигуры служащего, императорского солдата и американского солдата. Однако военнослужащим нелегко идентифицировать себя с одной из этих конфигураций мужественности. Скорее, каждая конфигурация воплощает в себе желательные и нежелательные черты и, таким образом, моменты идентификации и диссоциации. Эти противоречия внутри разных интерпретаций мужественности эффектно подчеркивают усилия Сил самообороны и отдельных военнослужащих по достижению милитаризованной мужественности, которая географически расположена и исторически укоренена в геополитическом пространстве Японии, Восточной Азии и всего мира. Это облегчает позиционирование Сил самообороны в исторических временных рамках, создавая историю организации и обеспечивая ее будущее за счет постоянного обновления концепции респектабельности военнослужащих по отношению к своим гражданским коллегам – мужчинам, Сухопутных сил самообороны – по отношению к наследию Императорской армии и близости к американским и другим военным организациям³².

Предпочтение характеристик одной гендерной конфигурации – служащего, солдата Императорской армии, солдата США – характеристикам другого типа может показаться со стороны излишне простым, но для военных этот процесс влечет за собой интенсивные конфликты, включающие как институциональные, так и личные решения. Одна гендерная конфигурация не является более реальной (или искусственной) или более скрытой (или явной), чем другая. Скорее, институциональные процедуры обеспечивают условия, при которых в определенный момент одна конфигурация выходит на первый план, а другая отступает. Этим преобразованиям способствуют (а иногда и препятствуют) писанные и неписанные правила – тщательно охраняемый набор стратегий по связям с общественностью и маркетингу, которые предписывают и документируют каждый шаг во имя защиты чувства военной идентичности в войсках

³² Японские примеры новых исследований мужчин и мужественности: [Inoue T. et al. 1995; Itō Kimio 1996; Yashima 1997; Asai et al. 2001].

и представляют Силы самообороны перед лицом японской и/или международной общественности в лучшем свете. Соответственно, вместо одного однородного и стабильного гендерного модуса габитус, ожидаемый и принятый среди военных, становится многогранным, неустойчивым и аморфным.

Как показывают высказывания Хасимото и Сайто, а также как свидетельствовали в разговорах со мной многие военные, беспокойство о том, каким образом следует проявлять милитаризованную мужественность, ни в коем случае не является уникальным феноменом Сил самообороны, хотя в отношении своей закамуфлированной гендерной идентичности японские военнослужащие часто кажутся сверхсознательными. По мере того как умножаются типы важной военной службы, вооруженные силы демократических стран мира все чаще допускают интеграцию представителей разных полов и гендеров и становятся все более изобретательными в отношении того, какие роли принимать в условиях мира после холодной войны. Они прилагают активные усилия во имя диалога с общественностью, чтобы убедить все более критически настроенную гражданскую публику в своей необходимости и полезности [Burk 1998a]. Ширящиеся перемены дестабилизировали представления о милитаризованной мужественности, которое когда-то уверенно ассоциировалось с образом лихого солдата. Каждый шаг японских военнослужащих свидетельствует об этой нестабильности. Так, один молодой кандидат в офицеры мечтал, что он приобретет прославленный статус военных героев – мужчин из голливудских фильмов, а мужчина-офицер среднего звена, приближающийся к отставке в возрасте 51 года³³, выражал более скромное мнение о важности общественного одобрения и признания, на которое «может рассчитывать любой другой трудящийся в Японии». Еще один пожилой майор смущенно улыбнулся, рассказывая мне, как молится о том, чтобы до его выхода на пенсию не было войны. Новобранец-мужчина отказался признать, что Силы самообороны являются в первую очередь военной организацией. Другой кандидат в офицеры гордился тем, что его отправили на Хоккайдо в престижную Северную армию, которая заслужила свою репутацию во время холодной войны благодаря своей близости к бывшему Советскому Союзу, наличию на своих базах новейшего вооружения и проведению сложнейшей подготовки, которая якобы формирует лучших бойцов. Один капитан гордился своим статусом «матери» отряда, а другой сетовал на то, что люди в Силах самообороны «не были должным образом посвящены в концепцию самопожертвования во имя нации».

Поскольку офицеров часто переводят с места на место, они нередко переходят от одной конфигурации самопрезентации к другой, – например, когда их отправляют с полевой должности на Кюсю или Хоккайдо на офисную должность в Токио или за границы, и в этом процессе разрушаются географические, культурные и межличностные отношения и даже языковые границы. Эти разрушения влекут за собой обсуждение отдельными военнослужащими формы и характеристик милитаризованной мужественности, а также – зачастую противоречивым образом – возникновение подобных дебатов в масштабах вооруженных сил. Военнослужащие не усваивают эти конфигурации милитаризованной мужественности пассивно. Они осознают нестабильность иерархии, которая их связывает, и они оспаривают ее, возражают и сопротивляются ей. Вспоминая свою подготовку в спецподразделениях, известную настоящей жестокостью, офицер может, например, заплакать на видео, которое готовит отдел по связям с общественностью, подчеркивая огромную нагрузку на военнослужащих, проходящих такое обучение (видеопросмотр в день открытых дверей, школа СССЯ Фудзи, 2003). Военнослужащий, который помогает подготовить город Саппоро к массовому спортивному событию, проявляет иные качества, чем тот, кто ведет детей в палатку скорой помощи после землетря-

³³ Обязательный возраст ухода в отставку варьируется в зависимости от ранга (для СССЯ): сержант и сержант первого класса – 53 года; старший сержант, старшина, прапорщик, лейтенант, старший лейтенант и капитан – 54 года; майор, подполковник – 55,5 лет; полковник – 56 лет; генерал-майор и генерал-лейтенант – 60 лет [Boeichō 2003: 144].

сения в отдаленной деревне. И глава подразделения МОЯ демонстрирует разные типы поведения в центре военного командования в Токио или когда выпивает в качестве командира базы в глухой провинции на Сикоку. Учитывая эти процессы, в дальнейшем исследовании я фокусирую внимание на точках пересечения разговоров о мужественности и профессионализме – это вступление в Силы самообороны, менее впечатляющие, но многочисленные местные миссии, в том числе социальные проекты, крупномасштабные мероприятия и помощь при стихийных бедствиях, совместные учения вооруженных сил США и Японии и международные операции по поддержанию мира.

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СЛУЖАЩИЙ

«Служащий», или «белый воротничок», сыграл важную роль в формировании мужской идентичности среди японских военных. До рецессии начала 1990-х годов наемный служащий был важным прототипом японской мужественности, сложившейся после Второй мировой войны. Западные читатели составили первое впечатление о нем благодаря Эзре Фогелю, в 1963 году [Vogel 1963: 9] описавшему его как стереотип японского мужчины; «белые воротнички» в крупных корпорациях и правительственная бюрократия олицетворяли экономическую безопасность и социальный статус. В 1990-е годы, даже когда блеск экономического успеха начал меркнуть, образ японца, существовавший в самой Японии и за ее пределами, все еще воплощал в себе «трудоголика, который много часов работает на какую-то крупную корпорацию, выпивает с коллегами или клиентами после работы, играет с ними в гольф по выходным, редко проводит время с женой и детьми и почти ничего не делает по дому – например, не убирает и не меняет подгузники» [Ishii-Kuntz 2002]. Части этого образа начали распадаться по мере того, как все больше и больше «белых воротничков» оказывались без работы и становились жертвами стагнации экономики [Osawa 1996; Dasgupta 2003]³⁴. В период расцвета и отчасти даже сегодня служащий прославлялся в популярных средствах массовой информации и в рекламе в Японии и за ее пределами как «воин компании» (*кайса сэнси*), а его мужественность милитаризировалась как «корпоративная воинская мужественность» (*кигё сэнси-эки отокорасиса*) [Yamasaki H. 2002: 52]. Эти «воины компании» отдают компании все силы и жертвуют здоровьем и семейной жизнью, от которой они обычно отчуждены. Реклама продуктов, ориентированная на «белых воротничков», создала одномерный и антиисторичный образ идеального мужчины. Благодаря милитаристским отсылкам к битве, победе, поражению и смерти в связи с полной преданностью «белого воротничка» компании эта реклама представляет служащего как воплощение воина мирного времени.

«Дух самурая», который часто пробуждается, чтобы превратить современного наемного работника в «воина компании», определенно порожден эпохой домодерна и, таким образом, не связан с неприятными воспоминаниями об агрессии и поражениях в более поздней японской истории. Вульгаризация и коммерциализация допускают замену предметов поклонения воина и орудий его труда, но подчеркивают верность самурайскому духу. Современный самурай сражается на работе, а не на поле боя. Его лояльность связана с компанией, а не с кланом. Однако его мужественный дух остается прежним.

После Второй мировой войны продукты военного времени, маркетинг которых связывал сексуальную потенцию солдата с военными возможностями империи [Frühstück 2003], были заменены новым поколением товаров, стимулирующих энергию успешного служащего; при этом реклама проповедовала добродетели, явно связанные с военным делом, и отдавала приоритет самодисциплине и самопожертвованию [Rohlen, LeTendre 1996: 60]. Анонсы новых здоровых напитков и других пищевых добавок обещали снять усталость и укрепить «дух» (*сэйсин*). К началу 1960-х – как раз тогда, когда наемный служащий стал господствующим мужским идеалом новой эпохи, – на рынке появились такие стимулирующие тоники, как *Guronsan* от *Chiugai Pharmaceuticals*, энергетический напиток *Ripobitan D* от *Taishō Pharmaceuticals* и *Esukappu* от *Esuesu Pharmaceuticals* [Cwiertka 1998]. Несколько десятилетий спустя, в 1989 году, той же целевой группе потребителей рекламировался энергетический напиток *Regain*. В рекламе этих продуктов японские мужчины обычно представлены в качестве служащих и в контексте, свя-

³⁴ Антропологи и историки Японии начали тщательно изучать наемного работника/служащего как доминирующую конфигурацию мужественности в Японии. Наиболее примечательны книги: [Sengoku 1982; Nakamaki 1997; Asai et al. 2001; Osa 2000 (1999); Roberson, Suzuki 2002].

занном с работой и компанией, без существенного участия в домашней работе или воспитании детей [Roberson 2005]. Часто такая реклама строится на принципах отчетливой боевой риторики. Например, *Regain* продвигается под слоганом «Можете ли вы сражаться 24 часа? Бизнесмен, бизнесмен, японский бизнесмен!» [Steger 2002]. А девизом *Ripobitan D* по-прежнему остается «Борьба!», или «*Файто!*» (см. Рис. 4). Еще один образ служащего был использован для иллюстрации статьи под названием «Позитивно продается сейчас» («*Подзитибу га има урэру*»), посвященной соответствующему мышлению и опубликованной в номере еженедельника «Аэра» от 8 февраля 1999 года (стр. 34). На иллюстрации голова этого служащего окружена женскими фигурами в костюмах чирлидеров и снабжена все тем же лозунгом: «Борьба!». В аналогичном ключе утренняя зарядка для сотрудников в некоторых компаниях продолжает напоминать утреннюю рутину военной базы, поскольку начинается с возгласа: «Бой!» [Kondo 1990: 78–104] – крика, выражающего милитаризацию повседневности.

Рис. 4. 30 ноября 1998 года, выпуск еженедельника Aera, полностраничная реклама энергетического напитка «Ripobitan D», использующая боевой клич «Борьба!», обращенный к военному как профессионалу, и образ малыша, обращенный к военному как отцу семейства. © University of California Press/The Regents of the University of California. January 2021. Academic Studies Press

Наемный служащий все чаще становился неоднозначной фигурой, восхваляемой в массовой культуре за готовность работать до смерти и высмеиваемой за невежество и бессилие в семейных делах. Однако в специальных военных нарративах воображаемый служащий/воин выступает в роли, в которую верят военные: он то, чем сами они не являются или не хотят быть. В противовес социокультурной среде, создавшей крайне милитаризованный образ служащего, отдельные военные обычно относятся к этому служащему с отвращением. Как представители настоящей солдатской жизни военные не особо довольны притязаниями служащих на милитаризованную мужественность. Военные не признают воинственных качеств, приписываемых служащим в рекламе или демонстрируемых ими на корпоративных тренингах, призванных повысить командный дух.

Меньше всего склонны воспринимать героический образ гражданских служащих рядовые Сил самообороны, которые подчеркивают в противовес ему собственную мужественность. Они пренебрежительно отзываются о наемных работниках, считая их немужественными, эгоистичными и слабыми, характеризуют их профессиональную жизнь как «монотонную», «скучную» и направленную исключительно на получение денег. Именно желание отличиться от обычных служащих побуждает многих мужчин вступать в ряды Сил самообороны. Омия Хироси, ветеран и автор книги «Странная жизнь Сил самообороны» («*Соко га хэн да йо дзитай*», 2001) ярко описывает, как принимал это решение: Омия вступил в Силы самообороны, уволился, попытал счастья в качестве гражданского служащего и через пару лет вернулся в Силы самообороны, потому что не смог выдержать жизни наемного работника. Ему и другим военным служащие кажутся бесцветной, безликой и конформистской массой, резко контрастирующей с их собственным индивидуализмом и независимостью духа, пусть и в рамках военных правил. Двадцатипятилетний новобранец, окончивший университет, рассказал мне, что несколько лет работал продавцом в магазине рыболовных снастей и в конце концов уволился, чтобы поступить на службу в Силы самообороны. Ему наскучила ежедневная рутина продаж, он ненавидел сидеть весь день в помещении, с ума сходил от мысли о том, что заниматься одним и тем же каждый день придется следующие тридцать пять лет или около того. Ирония ситуации была в том, что непосредственно перед интервью он провел все утро, повторяя во время минометной подготовки одни и те же движения, однако сам он, похоже, не заметил этого противоречия. В течение предыдущих нескольких недель ему вместе с примерно 800 другими бойцами своего полка также приходилось ежедневно вставать, надевать военную форму, есть и ложиться спать в одно и то же время и – если он действительно планировал служить в Силах самообороны всю жизнь – понимать, что делать это придется долгие годы. Для гражданских лиц ношение военной формы может означать отказ от права заявлять о своей индивидуальности, а это многие приравнивают к отказу от своей личности. Напротив, с точки зрения Омии и других молодых военных, форма позволяет им стать личностями. Униформа сама по себе является публичным заявлением, и, как полагает Пол Фассел [Fussell 2002: 198], «одна из ее функций как раз и состоит в том, чтобы придавать людям характер, который сам по себе им не принадлежит». Кроме того, униформа проводит определенную линию разграничения между личностью ее носителя и остальным миром.

Истинная функция формы состоит в том, чтобы устанавливать порядок в мире и заявлять об этом, останавливать смятение в потоке жизни, она скрывает все мягкое и нестойкое в человеческом теле, прикрывая солдатское

белье и кожу. Запертый в жестком чехле, стянутый ремнями, человек начинает забывать о том, что под мундиром, и преодолевает ощущение неопределенности жизни (Герман Брох, цит. по: [Fussell 2002:14]).

Если стороннему наблюдателю военная служба представляется потерей свободы и постоянным послушанием и подчинением, молодые и зачастую социально-экономически неблагополучные новобранцы видят в ней нечто противоположное: освобождение от общественных ожиданий и скуки, от сомнений в выборе профессии и прежде всего от анонимности безликой массы. Вступление в Силы самообороны означает для них по крайней мере освобождение от чувства отчужденности, господствующего в современном мире, в котором, как порой кажется, никогда не происходит ничего существенного. По словам военнослужащего, говорящего о своих товарищах – мужчинах, «многие вступающие в Силы самообороны делают это, потому что хотят уйти от реальной жизни» [Bandō 1990: 287].

Понятия личностного самовыражения и индивидуальности выступают в качестве важных критериев при выборе человеком вида службы. На вопрос о том, почему он присоединился после окончания колледжа к СССЯ, подполковник Асакава Итару*, офицер авиации, объяснил, что поначалу он считал, что и в ВВСС, и в МССЯ доминируют машины, и думал, что только в сухопутных войсках имеет значение отдельный человек.

Я чувствовал, что главной привлекательностью этих двух родов войск была возможность иметь дело с самолетами или корабельными машинами, в то время как личное человеческое существо почти не имело значения. Есть самолеты, корабли и ракеты. Люди просто дополняют их. Мой интерес к национальной безопасности был не столько материальным или физическим, сколько ментальным или психологическим (*сэйсинтэки на моно*). Я чувствовал, что ментальная защита важнее материальной или физической.

Асакава высказал мнение, которое разделяют и другие военнослужащие. В то время как многим из них распорядок дня гражданского служащего кажется лишенным приключений, а его жизнь представляется бессмысленной и предсказуемой, образ жизни в Силах самообороны предлагает сложные упражнения, которые одновременно позволяют и требуют от человека «исследовать свои пределы», «дойти до цели», «познать себя», «расти как личность» и «стоять на собственных ногах» – так говорили мне несколько военных. Эти вызовы носят в основном материальный характер, но военнослужащие считают, что преодоление физических ограничений может привести к преодолению умственных барьеров и что навыки, полученные в армии, могут быть переосмыслены и использованы и в других видах деятельности (Ока Ёситэру, «Санкэй синбун», 4 августа, 1998). Выбирая военную службу, военнослужащие – от новобранцев до генералов – выражают желание заниматься чем-то захватывающим, работать на природе, серьезно заниматься спортом, участвовать в напряженных полевых учениях и опасных операциях. Они заинтересованы в «обнаружении [своих] истинных сил» как в физическом, так и в умственном плане.

По их собственным словам, индивидуализм военного обладает моральным превосходством. Они считают готовность «пожертвовать собой ради своей страны» выше жертвы служащего ради своей компании. Действительно, с точки зрения военного, деятельность гражданского служащего является эгоистичной. Как выразился один новобранец: «жизни служащих кажутся такими похожими друг на друга и совершенно лишенными каких-либо неожиданностей. Несмотря на то, что базовая подготовка оказалась тяжелой, а рутинная Сил самообороны может быть довольно жесткой, по крайней мере я хотел делать нечто особенное, нечто нетипичное». Другой военнослужащий вспоминал, что о профессии военного он толком ничего не

знал, но просто не мог представить себя до конца жизни прикованным к письменному столу в каком-то офисе.

Риторика ненависти к наемному служащему, существующая в Силах самообороны, восходит к дням основания этого нового типа войск³⁵. Многие из идущих туда мужчин были выходцами из социально-экономически неблагополучных сельских районов. Для них чувство героизма, самопожертвования (во благо всего общества), авантюризма и необходимости действия, присущее их работе, позволило романтизировать военную жизнь и обрести самоощущение мужественности, превосходящей все, чего может добиться в этом смысле служащий. В 1950-х и 1960-х годах комфортная жизнь «белых воротничков» была недоступна для большинства населения страны. В те времена привлекательность жизни служащего заключалась в его принадлежности к среднему классу, благополучном существовании, однако заурядность такой жизни отталкивала многих и тогда. Другой аспект принадлежности к Силам самообороны, а именно относительная гарантия занятости в качестве государственного служащего, почти не упоминался в интервью, когда военные рассуждали о мотивах поступления на военную службу.

По мере продвижения по карьерной лестнице значительное число офицеров начинает осознавать, что, несмотря на их решительное неприятие жизни наемного работника (каким бы нереалистичным ни было их понимание этой жизни), их собственная профессиональная жизнь все больше напоминает существование гражданских служащих. Большинство офицеров тратят много часов на канцелярскую работу, несмотря на то что их гораздо больше привлекает деятельность в полевых условиях и взаимодействие с другими людьми. Стараясь избежать внимания к офисной стороне дела, некоторые с жаром рассказывали, как они рады, что могут покинуть кабинеты в час дня «в отличие от служащих, которые должны до полуночи доказывать свою лояльность компании». Ни один из офицеров, с которыми я разговаривал, не казался особенно разочарованным работой в МОЯ, но когда я спрашивала их, что они предпочитают делать, все отвечали, что на базе с солдатами получают гораздо больше удовлетворения, чем выполняя офисную работу в штаб-квартире МОЯ. Обычно они ограничивались лаконичными комментариями вроде: «После всех тренировок я в итоге живу как обычный служащий». Другие говорили: поскольку Силы самообороны «не пользуются уважением как армия, работа в качестве военнослужащего сводится к офисной рутине». Танака Кинүэ*, полковник чуть за сорок, вспоминал, как мечтал стать пилотом. Однако, окончив НАС в середине 1980-х годов, он начал продвигаться по служебной лестнице, и постепенно «офисная работа, казалось, резко выросла в размерах, оттесняя на задний план полевую деятельность».

Однако не всегда ясно, действительно ли всех офицеров, рассуждающих в таком стиле, беспокоит засилье офисной работы и их собственное уподобление служащим (*саларишман-ка* от английского *salaryman*; [Endō 1993]). Возможно, подобные утверждения являются лишь риторическим аспектом саморепрезентации, принятой в кругу военных, и это идет рука об руку с восприятием некоторыми военнослужащими себя как «граждан в военной форме», которое Уте Фреверт [Frevert 2001] отметила применительно к военнослужащим немецкого бундесвера³⁶. В Германии система воинской повинности была введена в 1956 году, а альтерна-

³⁵ В 2005 году новобранцы и кадеты НАС имели годовой доход примерно в 6 млн иен (информация по электронной почте от МОЯ от 9 ноября 2005 г.). Одинокая жизнь в Силах самообороны также означает, что военнослужащие практически не несут расходов на бытовые нужды. У многих есть долги в результате азартных игр, но некоторые откладывают деньги и могут уже за первый год накопить до 500 000 иен. Некоторые военнослужащие, покинувшие Силы самообороны в возрасте около 40 лет, в состоянии открыть собственный бизнес [Vandō 1990: 288].

³⁶ В Германии система воинской повинности была введена в 1956 году, а альтернативная служба была создана в 1961-м в рамках программы военной службы. К 1980-м годам гражданская служба как альтернатива военной стала массовым явлением, принятым в обществе. Те, кто вообще отказывался нести какую-либо службу, подвергались критике как источник потенциальной опасности для системы призыва – выбравших гражданскую службу приветствовали как «героев повседневности» [Bartjes 2000: 132]. Хайнц Бартьес утверждает, что две трети проходящих альтернативную службу работают в сферах,

тивная общественная служба добавлена к ней в 1961 году. К 1980-м годам те, кто отказывался от какой-либо службы, подвергались критике, а призывников, выполнявших общественные работы, приветствовали как «героев повседневности» [Bartjes 2000: 132]. Сегодня две трети немцев, выбирающих альтернативную службу, выполняют работу, которая когда-то считалась женской – этим открывается возможность для дестабилизации гендерных ролей. Даже представители консервативной Христианско-демократической партии приветствуют новый тренд с альтернативной службой как желательный показатель новой «экологии социального» и «культуры помощи» [Bartjes 2000: 142]. В послевоенной Германии образцом подражания для солдата стал гражданин, а не солдат – образцом для гражданина, как это было в первой половине XX века [Bald 2000: 110].

Однако с Силами самообороны ситуация более сложная, поскольку военные по-прежнему ведут постоянную борьбу за то, чтобы отличать свою профессиональную жизнь от жизни гражданских служащих³⁷.

Писаные и неписаные правила Сил самообороны подталкивают военнослужащих к тому, чтобы они уподоблялись наемным работникам или по крайней мере максимально сливались с гражданскими служащими и обществом в целом. Как подчеркивал майор Катаока Хиро*, начальник Отдела по связям с общественностью СССЯ в МОЯ, одним из основных пожеланий к кандидатам на службу является их «нормальность»: «Мы ищем нормальных граждан. Нам не нужны уроды или радикалы независимо от того, правые они или левые». Платье, прическа и другие аспекты внешности управляются определенными, но не особенно жесткими требованиями. Рекламная машина Сил самообороны присвоила систему построения образа служащего, чтобы подчеркнуть «нормальность» своих солдат (см. Рис. 5), изображая Силы самообороны как организацию, состоящую из обычных мужчин, которых можно встретить в любой японской фирме, государственном учреждении или организации, где такие мужчины доминируют. Главным критерием, впрочем, является самоощущение, что они работают на очень специфическую организацию.

Рис. 5. Обложка отчета 2001 г. с изображением Саларимена Кинтаро на ярко-розовом фоне в расчете на привлечение внимания молодежной аудитории. Этот герой бестселлера-манги, адаптированного для телевизионного и кинофильма, говорит: «Что значит

которые когда-то ассоциировались с женской работой, и, таким образом, такая служба дает возможность дестабилизировать гендерные роли. Соответственно, большинство альтернативных служащих воспринимают эту форму как более современную.

³⁷ Однако в последнее время исследователи, анализирующие состояние германской армии, заметили изменение, которое, похоже, уходит в сторону от имевшей место ранее трансформации. Я имею в виду радикальное сокращение числа офицеров с высшим образованием, начавшееся с середины 1980-х годов, – это можно считать показателем консервативной, изоляционистской, антиинтеграционной тенденции в бундесвере и нового понимания солдата как человека с «правильными установками», а не с академическим образованием. Еще один показатель – сокращение контактов между военными и обществом, отмеченное уже в начале 1990-х [Bald 2000: 122–123, 127].

оборона? Мне необходимо это прочитать!!!» Образ намекает на превращение Кинтаро из хулигана-мотоциклиста в героя-саларимена, что указывает на потенциал радикального преобразования человека в рядах Сил самообороны

Согласно неписаному правилу, военнослужащие переодеваются в гражданскую одежду всякий раз, когда покидают базу. Например, я как-то встречалась с тремя офицерами за ланчем прямо через дорогу от МОЯ, и только для нашего короткого разговора они переоделись в обычные штатские костюмы. Сотрудники и аспиранты НАС, которые носят униформу на занятиях, всегда появлялись в повседневной одежде, неотличимой от одежды других молодых и средних лет мужчин и женщин, когда мы с ними шли обедать в Йокосуке, Токио. Попытки слиться с гражданским обществом наиболее заметны в крупных городах, где антивоенные настроения считаются особенно сильными, – там редко можно увидеть на улице форму Сил самообороны. Принимая во внимание то, что Японию можно назвать «сообществом униформы» [McVeigh 2000a], в котором такую униформу носят многие люди, в том числе мужчины – «белые воротнички», женщины-клерки, банковские служащие, лифтеры, водители такси, школьники и многие другие, нежелание военных из Сил самообороны носить форменную одежду за пределами базы привлекает особое внимание. В то время как, по мнению сторонников школьной формы, она символизирует «молодость, трудолюбие, чистоту, правду, добро и красоту» и считается положительно влияющей на учащихся [McVeigh 2000a: 54], форма Сил самообороны изначально вызывала негативные ассоциации с насилием и войной, а также с вооруженными силами США. После окончания эпохи оккупации ношение военной одежды вызывало у некоторых солдат дискомфорт, потому что первая форма Сил самообороны была похожа на форму вооруженных сил США. Сына одной женщины подозревали в том, что он был отпрыском уличной проститутки, обслуживавшей прежде всего армию США, в связи с чем его подвергали преследованиям на улице. Двадцать лет спустя мать этого человека все еще помнила, как много раз они с сыном плакали из-за этого обвинения [Sase 1980: 58].

Однако Силы самообороны предприняли попытку разорвать этот круг ассоциаций – как с войной, так и с вооруженными силами США – путем изменения своей униформы и общего внешнего вида. В отличие от школьной формы для мальчиков средней и старшей школы, чей жесткий дизайн изначально был заимствован у европейской армейской одежды, мундир Сил самообороны кажется довольно свободным и относительно непринужденным по стилю. Недавно введенный обычай носить бейсболки, которые заменяют теперь привычные береты, также указывает на попытку создать облик, который сделает военнослужащих похожими на гражданских лиц в повседневной одежде. Сегодня курсанты-первокурсники – единственные, кто должен носить униформу за пределами кампуса. Предполагается, что ношение формы должно вызывать у военнослужащего чувство гордости за его принадлежность к Силам самообороны и способствовать созданию его идентичности как таковой. Однако некоторые кадеты считают, что обязательное ношение формы введено, чтобы помешать нарушениям правил, например возвращению к родителям или попытке спрятаться у подруги [Ishikawa 1995a: 104–105]. В отличие от поколения их отцов, столкнувшихся с достаточно враждебной социальной средой, современные кадеты уже не ожидают нападения на улице только по причине того, что их сочтут военнослужащими. Однако некоторые кадеты, опасаясь носить униформу за пределами кампуса, признаются, что снимают в Йокосуке комнату, в которой переодеваются перед выходом в город в обычную одежду. Иногда их принимают за железнодорожников, чья форма, на взгляд постороннего, похожа на форму кадетов, но все же последние не хотят «выделяться» или быть сразу опознанными как учащиеся НАС. Напротив, когда зимой 1999 года я ездила на базу на окраине Нагои, сержант, встретивший меня перед железнодорожной станцией, был в камуфляже, и никто на улице не обращал на это особого внимания. В другой раз, когда летом 2001 года я сделала перерыв в полевых исследованиях в военном лагере и отправилась на вело-

сипеде на короткую экскурсию по окрестностям в компании двух сержантов, оба они остались в форме. Другие военнослужащие сообщают, что, например, в отдаленных районах Кюсю или Хоккайдо, где присутствие Сил самообороны часто приносит региону значительную экономическую выгоду, старики на улице окликают их и советуют тренироваться усерднее. Например, в городе Надзаки на Хоккайдо, где проживает примерно 26 000 жителей, военные и члены их семей составляют шестую часть населения; их совокупная заработная плата примерно равна городскому бюджету [Endö 1993: 33]. Поэтому выплачиваемый ими подоходный налог является для города значительным экономическим благом, и это, по мнению военных, способствует положительному отношению к ним гражданского населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.